

ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬН. ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ.

ВЫПУСКЪ 73.

А. А. САЛТЫКОВЪ.

ЕВРАЗИЙЦЫ И УКРАИНЦЫ.

КЪ ПРОБЛЕМЪ ЕДИНСТВА
РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «КАРПАТСКИЙ СВѢТЬ».

УЖГОРОДЪ.
ТИПОГРАФІЯ «ШКОЛЬНОЙ ПОМОЩИ».
1930.

СОСТАВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ ОБЩЕСТВА ИМ. А. ДУХОВИЧА НА 1929 — 1930 ГОДЪ.

Почетные члены Общества:

1) Д-ръ Антоній Г. Бескидъ, губернаторъ Подк. Руси; 2) Петръ Гебей, еп. скопъ мукач.; 3) Проф. д-ръ А. Л. Петровъ; 4) Д-ръ Антонинъ Гайнъ, депутат. Ч. парламента; 5) Проф. М. М. Новиковъ, рект. Русск. Нар. Ун-та въ Прагѣ; 6) Проф. Ю. И. Поливка, презид. Чсл. Академіи Наукъ; 7) Академикъ В. А. Францев; 8) Акад. А. И. Беличъ; 9) Проф. Иосифъ Шкультетій, дир. Слов. Матицы; 10) о. Герихъ Полянскій, почетн. членъ О-ва им. М. Качковского.

Пожизненные члены:

1) Викт. Карцубъ, архид.; 2) Иоаннъ Кизакъ, канон.; 3) Ив. Поливка, пенс. ш. инсп.; 4) Юл. Станкай, канон.; 5) Ир. Ханатъ, свящ.; 6) Иосифъ Хромякъ, дир. у. сем.; 7) Д-ръ Г. Шуба, рект. Богосл. лицей; 8) Мих. Вас. Риганъ, директор

Президіумъ:

1) Архидіаконъ Евменій И. Сабовъ, пожизн. предсѣд.; 2) Д-ръ Степанъ Фенцикъ, секрет.-дѣлопроизвод.; 3) Д-ръ Иосифъ Каминскій, первый тов. предсѣдателя; 4) Д-ръ Игорь Петрикъ, второй тов. предсѣд.; 5) Проф. Степанъ Медвѣшій, казнач.; 6) Андрей Игнацій, второй казначей; 8) Степанъ Федоръ, хозяинъ; 9) Д-ръ Эмилянъ Вальницкій, 1-й письмовод.; 10) Павелъ Федоръ, 2-й письмовод.

Центральное Правленіе:

1) Анталовскій Василій, шк инсп.; 2) Араній Иосифъ, фак. учит.; 3) Д-ръ Бачинскій Эдмундъ, сов. суда; 4) Баконій Степанъ, упр. шк.; 5) Д-ръ Бескидъ Александръ, высш. сов.; 6) Д-ръ Бескидъ Алексѣй, окр. нач.; 7) Бокшай Иванъ, свящ.; 8) Василенковъ Михайлъ, фак. учит.; 9) Д-ръ Гаджега Илья, предсѣд. седриц; 10) Гаджега Эмма, предсѣд. Союза Русск. Женщ.; 11) Добошъ Иванъ, шк. инсп.; 12) Дюлай Иосифъ, проф. богосл.; 13) Драгула Николай, упр. шк.; 14) Д-ръ Жидовскій Иванъ, упр. банка; 15) Ковачъ Иванъ, упр. шк.; 16) Коссей Алексѣй, архидіак.; 17) Д-ръ Мачичъ Констант., вице-презид. высш. суда; 18) Микита Михайлъ, проф.; 19) Марковичъ Гавриилъ, свящ.; 20) Мигалка Юлій, инж.; 21) Петригалла Петръ, д-ръ гор. гол. г. Мукачева; 22) Петровъ Василій проф.; 23) Поповичъ Андрей, упр. шк.; 24) Стасева Феод., проф.; 25) Стрипскій Авг. инж. дир. упр. гос. лѣс.; 26) Д-ръ Сулинчакъ Вас., дир. гимн.; 28) Шпеникъ Вас., шк. упр. предс. Учит. Т-ва.

Ревизионная коммисія:

1) Гаталякъ Петръ, дир. банка; 2) Гойдичъ Леопольдъ; 3) Грицовъ Юлій; 4) Андрей Бродій; 5) Черній Исидоръ.

СЕКЦИИ ОБЩЕСТВА:

I. НАУЧНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ: 1. Русск. Нар. Ун-тъ въ Прагѣ; 2. Д-ръ Бескидъ Александръ; 3. Д-ръ Каминскій Иосифъ; 4. Мураній Иванъ, проф.; 5. Дюмидовъ Петръ; 6. Василенковъ Михайлъ.

II. ОРГАНИЗАЦИОННО - ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ: А. Центральный отдѣлъ: 1. Федоръ Павелъ, 2. Д-ръ Бескидъ Алексѣй, 3. Игнацій Андрей, 4. Араній Иосифъ, 5. Лизакъ Иванъ, 6. Чеканъ Антоній, 7. Малецъ Николай, 8. Сдитовскій Владиміръ, 9. Булеца Ив. Б. Окружн. отд.: 1. Ст. Федоръ, 2. Владиміръ Андрей, 3. Сочка Андр., 4. Цапуличъ Ив., 5. Микуланинецъ Эм., 6. Цимболинецъ Ник., 7. Добошъ Ив., 8. Кейпаза Ст., 9. проф. Н. Гарчаръ, 10. о. Бокшай Ив., 11. Сокачъ А., 12. Сабовъ Мих., 13. Юричковъ Г., 14. Федораничъ М., 15. Вошепинецъ Ф., 16. Соколь Ю., 17. д-ръ Жидовскій И., 18. А. Лошеновъ, 19. В. Лендель.

III. ИЗДАТЕЛЬСКАЯ СЕКЦІЯ: 1. Медвѣшій Степ., 2. Сова Петръ, 3. Д-ръ Каминскій Иос., 4. Карпинецъ Эмман., 5. Сѣдаковъ Борисъ.

IV. ТЕАТРАЛЬНАЯ: 1. Куфтина-Полуэктова О. А., 2. Сова Мелетина, 3. Цуркановичъ И. Ю., 4. Шмейцъ Александра, 5. Гускова Елисавета, 6. Битнерова Маргарита, 7. Силинъ Миханлъ.

V. МУЗЫКАЛЬНАЯ: 1. Медрецкій Степанъ, 2. Якоушъ Вацлавъ, 3. Д-ръ Степанъ Фенцикъ, 4. Ковачъ Николай, 5. Бальцаръ Владиміръ.

VI. ХОРОВАЯ: 1. Федоръ Павелъ, 2. Крайнякъ Николай, 3. Д-ръ Степанъ Фенцикъ, 4. Д-ръ Ройковичъ Иосифъ, 5. г-жа Задорова.

VII. СОЮЗЪ РУССК. ЖЕНЩ.: 1. Гаджега Эмма, 2. Гуловичъ Бела, 3. Стасева Ф., 4. Гаталякъ Этель, 5. Медвѣшій Марія, 6. Бескидъ Ольга, 7. Дубай Анна.

VIII. РУССКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ АРХИВЪ: 1. Д-ръ Илья Гаджега, 2. о. Стойка Алекс., 3. Д-ръ Савинскій Григ., 4. Д-ръ Шкирпанъ Наталья, 5. Добошъ Иванъ.

IX. НАРОДНЫХЪ ДОМОВЪ: 1. Д-ръ Гаджега Илья, 2. Д-ръ Каминскій Иос., 3. Д-ръ Могильницкій Корн., 4. Гаталякъ Петръ, 5. Д-ръ Фенцикъ Ст., 6. Д-ръ Стасевъ Мих., 7. Медвѣшій Ст., 8. Гойдичъ Леоп., 9. Черній Исидоръ.

X. СПОРТИВНАЯ: 1. Д-ръ Каминскій И., 2. Грицовъ Юлій, 3. Шпеникъ Ал., 4. Д-ръ Жидовскій Иванъ, 5. Д-ръ Марковъ Эрнестъ, 6. Демковъ Михайлъ.

XI. РУССКАГО СКАУТА им. А. ДУХОВИЧА: 1. Д-ръ Ст. Фенцикъ, 2. Проф. В. А. Петровъ, 3. Лизакъ И., 4. Игнацій А., 5. Рудловчакъ Ф., 6. Симковъ В.

XII. САНИТАРНО-ГИГИЕНИЧЕСКАЯ: 1. Организаторъ д-ръ Шимановскій К.

ИЗДАНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВѢТИТЕЛЬН. ОБЩЕСТВА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ДУХОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ.

ВЫПУСКЪ 73.

А. А. САЛТЫКОВЪ.

ЕВРАЗИЙЦЫ И УКРАИНЦЫ.

КЪ ПРОБЛЕМЪ ЕДИНСТВА
РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.

ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ «КАРПАТСКИЙ СВѢТЬ».

УЖГОРОДЪ,
ТИПОГРАФІЯ «ШКОЛЬНОЙ ПОМОЩИ»
1 9 3 0.

23671
#58-4

Евразійцы и украинцы.

(Къ проблемѣ единства русской національной культуры).

1.

Случается, что широкая и многоводная рѣка, какъ-бы наскучивъ вдругъ единымъ теченіемъ, разбивается на нѣсколько отдѣльныхъ протоковъ, продолжающихъ течь рядомъ, но порою и сильно отклоняющихся отъ главнаго. Это не мѣшаетъ имъ иногда, протекши отдѣльно даже большое разстояніе, вновь соединиться съ рѣкою-матерью, и тогда они обогащаютъ ее обиліемъ своихъ водъ. Но часто они сами тратятъ въ пути материнское достояніе и, постепенно растрчивая его и не имѣя силы течь дальше — такова судьба многихъ рѣкъ срединной Азіи — теряются во встрѣчныхъ пескахъ... При этомъ боковые протоки настолько истощаютъ иногда водные запасы своей рѣки-родоначальницы, что готовятъ и ей самой ту-же судьбу.

Нѣчто подобное совершается порою и съ потоками человѣческой мысли: религіозной, національной, социальной и даже научной. И въ ихъ единствѣ зарождается порою раздѣленіе, вызываемое нерѣдко какъ разъ тѣми же причинами, которыя обусловливаютъ раздѣленіе струй широкой рѣки: чрезмѣрнымъ обиліемъ ихъ водъ, не находящихъ достаточно быстрого стока въ уготованномъ имъ природою руслѣ. И какъ съ рѣкою — такъ и съ мыслью человѣческой: ей начинаетъ грозить раздѣленіе тогда, когда, покинувъ сформировавшія ее горнія высоты національнаго творчества и твердыя горнія породы своего національнаго ложа, она превращается изъ многоводной въ широководную; она желаетъ тогда объять весь міръ и вмѣстѣ съ тѣмъ подвергается неизбѣжному помутнѣнію отъ бездны засоряющихъ ее аллудивіальныхъ примѣсей, которыя она начинаетъ нести въ себя самой...

Немало такихъ ослабляющихъ русель-протоковъ образовала, за послѣдніе три четверти вѣка, русская національная мысль... Западничество и славянофильство. Народничество. Теченія изувѣрскаго нигилизма и вообще матеріализма и столь-же, въ сущности, изувѣрскія теченія мисти-

ческаго шаманства и шаманствующей мистики. Націоналістическо-етніческое теченіе «істинно-русскаго» Самодержавія и будто-бы интернаціоналістическое (а въ сущности столь же этніческое) теченіе Револуціи... Оцѣнка этихъ и другихъ отдѣльныхъ теченій, въ которыхъ отразилось помутнѣніе имперско-національной стихіи Россіи, имперско-національнаго ея сознанія, можетъ быть, несомнѣнно, весьма различною. Но трудно не видѣть, что именно ихъ равнодѣйствующая привела къ татарскому нашествію большевизма, т. е. къ растратѣ всего національнаго достоянія: духовнаго и матеріальнаго... Такъ-то величавая рѣка русской имперско-національной мысли вѣка Петра и Екатерины, вѣка Пушкина и Гоголя, — растеклась въ пескахъ жгучей и безплодной пустыни...

Такими-же, какъ вышеупомянутые, отдѣльными руслами-протоками русской мысли являются, въ наши дни, украинство и евразійство. И нынѣ, когда главное ея теченіе уже не находитъ опоры въ прежнемъ фактѣ реального бытія національной Россіи, можно скорѣе привѣтствовать существованіе этихъ двухъ движеній, отчасти пережившихъ большевизмъ, отчасти даже вызванныхъ имъ къ жизни. Этими руслами-протоками, пусть мелководными и мутными, національная мысль и борется отчасти съ небытіемъ, — пытаюсь найти отправныя точки къ обновленію своего идейнаго содержанія и самого чувства національнаго. Вотъ въ этомъ-то отношеніи евразійство и украинство заслуживаютъ полнаго нашего вниманія. Едва-ли слѣдуетъ настаивать на тѣсной связи обоихъ этихъ движеній съ большевизмомъ — хотя-бы въ томъ уже смыслѣ, что, не будь большевизма, они не имѣли бы и малой доли присущаго имъ пафоса, да и вообще, въ сущности, не имѣли бы никакого *raison d'être*. Но интереснѣе связь обоихъ этихъ движеній между собою. Проявляется же эта связь не только въ томъ, что оба они представляютъ собою продуктъ разложенія національной Россіи, но и въ томъ, что заключенный въ нихъ основной вопросъ и есть, въ сущности, вопросъ объ единствѣ Россіи и ея національной культуры.

2.

Эта тѣснѣйшая внутренняя связь между обоими движеніями не мѣшаетъ, разумѣется, ихъ представителямъ полемизировать другъ съ другомъ. Эта полемика — пламенная, горячая и часто именно вслѣдствіе своей излишней горячности маловразумительная и безплодная. Но тогда, когда она ведется спокойно и трезво, она создаетъ не только въ высшей степени интересные, но и весьма поучительные эпизоды.

Такимъ яркимъ эпизодомъ и даже, на нашъ взглядъ, событіемъ — является недавно разгорѣвшійся споръ между кн. Н. С. Трубецкимъ и профессоромъ Д. Дорошенко. Въ X выпускѣ «Евразійской хроники» помѣщена статья послѣдняго, посвященная разбору очень немногословной, но весьма крупной, по внутреннему своему содержанию, работы Трубецкого, появившейся въ V книгѣ «Евразійскаго Временника» (подъ заглавіемъ: Къ украинской проблемѣ). А рядомъ со статьею Дорошенка напечатанъ, въ томъ же выпускѣ «Хроники» — отвѣтъ на нее Трубецкого.

Эта полемика, даетъ, по нашему мнѣнію, возможность гораздо ближе подойти и гораздо осязательнѣе охватить далеко еще не исчерпанную и во многихъ отношеніяхъ вѣщую тему единства русской національной культуры, чѣмъ какой-бы то ни было критико-догматическій разборъ общихъ положеній евразійства и украинства. Тѣмъ болѣе, что объ этихъ «общихъ положеніяхъ», часто произвольныхъ, еще чаще противорѣчивыхъ и нерѣдко мало продуманныхъ, — приходится говорить съ величайшей осторожностью. То, что недавно было высказано однимъ изъ изслѣдователей евразійства*), приложимо вполнѣ и къ украинству. Оно не обладаетъ ни собственной гносеологіей, ни оригинальной метафизикой и не заключаетъ въ себѣ, въ сущности, никакой философіи исторіи. Поэтому-то оба ученія и имѣютъ ярко оппортунистскій характеръ.

Такими-то «оппортунистскими» произведеніями, даже отчасти «дипломатическими нотами» являются и упомянутыя выше статьи Дорошенка и Трубецкого. Но это актуально-симптоматическое ихъ значеніе нисколько не умаляетъ ихъ интереса, какъ «человѣческихъ документовъ» евразійства и украинства. Несмотря на «высокую дипломатію» этихъ документовъ, и евразійство и украинство оказываются въ нихъ взятыми *au vif*, — насколько только это можно пожелать.

3.

Однимъ изъ центральныхъ положеній основной статьи кн. Трубецкого (т. е. вышеупомянутой его статьи въ V книгѣ «Евразійскаго Временника») является утвержденіе, что въ моментъ явленія Петра Великаго старая московская культура уже умерла и что та культура, которую со времени Петра жила и развивалась Россія, была непосредственнымъ продолженіемъ не московской, а кіевской культуры: тема, особенно интересная для пишущаго эти строки, ибо, насколько намъ извѣстно, никто, кромѣ него, не касался ея ранѣе кн. Трубецкого. Что касается Дорошенка, то онъ съ

*) В. Вилинскій, Творимая легенда (Католическій Временникъ, II, стр. 64).

одной стороны, расширяет данную тему, в том смысле, что видит коренное различие двух «редакций» русской культуры — киевской и московской — не только в области литературы и вообще языка: сферѣ, на которой преимущественно сосредоточилъ, какъ филологъ, свое вниманіе — кн. Трубецкой. «Украинець» Дорошенко находить, что различіе двухъ культуръ, или, по слову Трубецкого, двухъ ихъ «редакцій», охватывало гораздо шире всѣ стороны жизни, коренясь въ самомъ духѣ этихъ «редакцій», бывшемъ существенно различнымъ въ каждой изъ нихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Дорошенко отвергаетъ абсолютность темы Трубецкого. Онъ не отрицаетъ отдѣльныхъ заимствованій изъ сокровищницы киевской культуры и нѣкотораго формальнаго ея усвоенія родившеюся на развалинахъ московской культуры культурою Имперіи, заимствованій, подобныхъ такимъ-же — будто-бы чисто внѣшнимъ и только формальнымъ — ея заимствованиямъ изъ культуры западной. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не считаетъ возможнымъ признать, что имперская культура была пересадкою на великорусскую почву украинской культуры, что она была ея, по выраженію Трубецкого, «рецепціей».

Эти сомнѣнія его оппонента даютъ послѣднему поводъ значительно углубить, въ его отвѣтѣ, первоначальную тему. Онъ вполне справедливо указываетъ на нѣкоторую условную идеализацію у Дорошенка «украинской» культуры. Отмѣчу кстати, что эта не особенно грамотная, или, во всякомъ случаѣ, гибридная, эпитетическая характеристика послѣдней, довольно неожиданная въ устахъ филолога, пріемлется — вѣроятно, по «тактическимъ» соображеніямъ — и кн. Трубецкимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ столь-же справедливо указываетъ и на чрезмѣрную упрощенность и крайне одностороннюю трафаретность Дорошенковской концепціи старо-московской культуры (господство пытки и кнута, судебная волокита, равенство во всеобщемъ безправіи, фанатическая приверженность къ буквѣ и т. п.). Трубецкой видитъ одинъ изъ наиболѣе существенныхъ пунктовъ различія между двумя сравниваемыми культурными комплексами въ томъ, что Москва была государственностью большого стиля. Для украинцевъ-же «государственность большого стиля» была чѣмъ-то чужимъ и внѣшнимъ. «Развиваясь въ постоянномъ отмежеваніи отъ давленія государства (именно польскаго), они естественно были склонны къ извѣстному государственному минимализму, граничащему съ анархіей. Напротивъ, великороссы выросли и развились въ государственномъ строительствѣ, въ сознаніи колоссальныхъ его возможностей... Государственность большого стиля была для нихъ своимъ національнымъ дѣломъ. И поэтому естественнымъ для нихъ являлся извѣстный этатизмъ, «государственный максимализмъ».

Это рѣзкое отличіе между двумя культурами въ области отношенія къ государственности порождало нѣкоторое взаимное отталкиваніе между ними: москвитянамъ украинцы казались анархистами, а украинцамъ москвитяне казались мрачно-жестокими. Но Трубецкой показываетъ, что эти отличія создавали и нѣкоторое взаимное притяженіе. Государственный максимализмъ Москвы и паѳосъ «государства большого стиля» дѣйствовали заразительно. Это-то, конечно, и объясняетъ стремленіе Украины соединиться съ Москвою. И не только соединиться, но и принять самое активное участіе (не за страхъ, а за совѣсть!) въ общерусскомъ государственномъ строительствѣ. Но если Москва притягивала (хотя одновременно и отталкивала) Украину своимъ паѳосомъ государственности, то и Украина одновременно и притягивала и отталкивала Москву паѳосомъ «внѣшне вылощенной учености западнаго образца»... Но притязанія превозмогли. «Превозмогли они потому, объясняетъ кн. Трубецкой, что существовало сознание общерусскаго единства и общности національныхъ задачъ... Национальная проблема была прежде всего религиозной, и основной національною задачею представлялось сохраненіе чистоты русскаго православія». Украина чувствовала, что для сохраненія своего православія и своей русскости и для обороны ихъ противъ натиска Польши имъ недостаетъ крѣпкой государственности, «паѳосомъ» которой была такъ богата Москва. Московскіе-же круги полагали, что для сохраненія чистоты православія Москвѣ недостаетъ украинской «учености».

4.

Кн. Трубецкой могъ-бы еще сильнѣе укрѣпить свою характеристику Москвы, какъ «государственности большого стиля», — свидѣтельствомъ вполне объективнымъ, а именно прозрѣніемъ Византіи, не случайно назвавшей, еще въ XIII вѣкѣ, область будущей Московіи «Великой Россіей» *Μεγάλη Ρωσία* — въ то время какъ Кіевско-Черниговская и Волынско-Галицкая земли обозначены были тогда византійскими писателями именемъ Малой Россіи (*Μικρά Ρωσία*). Но вмѣстѣ съ тѣмъ все построеніе автора, какъ ни справедлива въ очень многихъ отношеніяхъ его критика контрпостроеній Дорошенка, нуждается въ весьма существенномъ хронологическомъ выпрямленіи. Пусть московская государственность, которая, кстати сказать, была, чрезъ промежуточное посредство Суздаля и Владиміра, не чѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ великой традиціи древняго Кіева, дѣйствительно возникла, какъ государственность большого стиля. Но къ срединѣ XVII столѣтія, когда опредѣленно обозначился процессъ объединенія Москвы съ Україною, отъ этого стиля оставалось уже очень немногое. Вѣрнѣе,

оставался именно только «стиль», т. е. уже въ значительной степени мертвая форма. Остался только внѣшній «максимализмъ», только внѣшній аппаратъ (также, впрочемъ, сильно уже надтреснутый) московской государственности. Но не было уже ея живого содержанія.

Самъ кн. Трубецкой великолѣпно показалъ въ вышеупоминавшейся статьѣ «Евразійскаго Временника», какъ выработавшіеся въ Москвѣ языкъ и литература — всѣ литературные роды — кончили тѣмъ, что сошли въ XVII вѣкѣ на нѣтъ, т. е. погибли, прекратили свое существованіе, — подобно воспоминаемымъ въ началѣ настоящаго очерка рѣкамъ центральной Азіи, теряющимся въ пескахъ. И авторъ, повидимому, склоненъ — въ чемъ онъ вполне правъ — видѣть въ этомъ явленіи лишь одно изъ проявленій разложенія, въ эту эпоху, всей вообще московской національной культуры. Въ другой области, именно въ области искусства, то-же явленіе распада и разложенія — омертвѣнія — сѣверно-русской культуры XVII вѣка было раскрыто въ интересныхъ очеркахъ Муратова, относящаго расцвѣтъ сѣвернорусскаго искусства, въ противоположность ранѣе господствовавшей схемѣ, — къ XIV—XV вѣку. Но то-же самое можно съ полнымъ правомъ сказать и объ области національной въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. прежде всего объ области государственной. Государственностью «большого стиля» была, конечно, государственность эпохи Дмитрія Донскаго, а никакъ не упадочная, безсильная и пусть и невольна — но вмѣстѣ съ тѣмъ и неизбежно — ушедшая въ конфессіонально-этнической партикуляризмъ и провинциализмъ — государственность эпохи царя Алексѣя Михайловича. Если эта государственность и была чѣмъ-нибудь «жива», то исключительно заключенными въ ней великими традиціями, преемственно связывавшими ее съ тѣмъ-же Кіевомъ.

Характернѣйшую черту московскихъ государственности и вообще культуры XVII вѣка и составляло несоотвѣтствіе ихъ «большого стиля» — наличнымъ ихъ средствамъ, прежде всего средствамъ духовнымъ. Однимъ изъ господствующихъ чувствъ Москвы XVII вѣка было чувство избранности. Москва считала себя «единственнымъ православнымъ царствомъ». Но и само православіе ея было весьма сомнительнымъ. Это вѣдь было сильно видоизмѣненное этническими теченіями православіе, вызвавшее необходимость въ реформѣ Никона... Вмѣстѣ съ тѣмъ было въ Москвѣ и чувство глубокой отсталости, безсилія и неумѣнія, сознание глубокаго несовершенства жизни, органическаго ея безпорядка и полной невозможности справиться съ возставшимъ изъ глубины народной жизни хаосомъ. Все это и вело къ глубочайшему противорѣчію и даже расколу въ національномъ сознаніи. Поэтому-то и государственный «максимализмъ» кн. Трубецкого можно принять въ качествѣ харак-

теристики тогдашней Москвы, лишь весьма относительно и весьма условно. Онъ характеризуетъ въ лучшемъ случаѣ лишь традиціи ея правительственныхъ верховъ, но не живую практику жизни. И уже никакъ не народные низы. Последніе всегда обнаруживали огромную силу сопротивленія «этатизму» правящихъ круговъ», т. е. обнаруживали «анархію» никакъ не меньшую, а значительно большую, чѣмъ на Украинѣ.

То, что могло въ ней казаться анархіей представителямъ чиновной Москвы XVII вѣка, выросшимъ въ совершенно иной и, въ сущности, куда болѣе «анархической» психологической атмосферѣ, и то, что донинѣ кажется въ тогдашней Украинѣ анархіей кн Трубецкому, видно смотрящему на данный вопросъ сквозь призму возрѣній нашихъ московскихъ предковъ XVII столѣтія, было не совсѣмъ анархіей и, во всякомъ случаѣ, не только анархіей. Дѣло въ томъ, что авторъ явно недооцѣниваетъ польской государственности. Между тѣмъ это была, въ свое время, весьма блестящая государственность и, во всякомъ случаѣ, также государственность «большого стиля» — пусть и отличная отъ государственности московской. Сила политическаго притяженія польской государственности и культуры была огромной. Эта сила дѣйствовала не только на Востокъ, но даже на Западъ, напр., на Орденскія земли, Западную Пруссію и Данцигъ. Что касается южно-русскихъ областей, то онѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ испытывали сильнѣйшія вліянія польской государственности и національной культуры (хотя и сами, въ свою очередь, вліяли на нихъ). Многие восприняли онѣ и отъ польскаго индивидуализма, отъ польскаго духа личной и областной автономіи, отъ провинціальной и «повѣтовой» особенности Польши. Въ извѣстномъ смыслѣ, все современное украинское «движеніе» дано уже въ самомъ существѣ Украйны какъ оно сложилось въ XVI—XVII в.в. подъ перекрестными вліяніями Польши и Москвы. Но не въ этихъ-ли, привитыхъ отъ Польши, индивидуализмѣ и автономизмѣ Украйны и заключается отчасти разгадка того впечатлѣнія «анархіи», которое она производила на москвитянъ XVII в., бывшихъ, несомнѣнно, большими «централистами» и даже въ нѣкоторомъ родѣ «соціалистами», и которое она донинѣ производитъ на нѣкоторыхъ изъ насъ?

5.

Кн. Трубецкой спутываетъ въ нѣкоторой степени — и въ этомъ заключается главнѣйшій дефектъ, какъ основной его работы, такъ и отвѣта его Дорошенку — историческую перспективу. Можно даже сказать, что она вообще отсутствуетъ въ его чрезвычайно интересныхъ писаніяхъ на данную тему. Онъ приводитъ множество весьма цѣнныхъ фактовъ и приходитъ къ чрезвычайно важнымъ, даже, каза-

лось-бы, рѣшающимъ выводамъ. Но бѣда въ томъ, что эти, относящіеся къ совершенно различнымъ эпохамъ, факты у него какъ-бы сосуществуютъ, будучи проэктированы на одной и той-же плоскости. За эту плоскость, хотя изложеніе автора стремится быть «историческимъ», нѣтъ, въ сущности, исторической перспективы...

Своеобразенъ и методъ, которымъ Трубецкой добываетъ свои выводы. Такъ весь его отвѣтъ Дорошенку построенъ, въ сущности, на оригинальномъ примѣненіи алгебраическаго метода рѣшенія уравненій способомъ такъ называемой подстановки. Трубецкой вполне справедливо придастъ очень большое значеніе въ интегрирующемъ процессѣ Россіи ея «государственному максимализму», тому обстоятельству, что ея государственность была государственностью «большого стиля». Но спрашивается: къ какой русской государственности эта характеристика примѣнима прежде всего и въ полной мѣрѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что русской государственностью «большого стиля» была главнымъ образомъ государственность Имперіи. И вотъ это-то свойство Имперіи Трубецкой и переноситъ въ историческое прошлое, т. е. на Москву XVII столѣтія, государственность которой была, какъ мы показали, тѣнью и призракомъ. На мѣсто этой тѣни и этого призрака онъ и подставляетъ живую мощь Имперіи, не только не эквивалентную имъ, но въ дѣйствительности, т. е. въ порядкѣ исторической послѣдовательности, смѣнивъ ихъ... Чего только нельзя доказать такимъ способомъ «подстановки» однихъ историческихъ явленій и величинъ иными, имъ совершенно противоположными?

Правда, авторъ не отрицаетъ того, что установка на «государственный максимализмъ» стала послѣ Петра еще рѣшительнѣе. Но этого признанія — мало. Существенно не только то, что старомосковскій максимализмъ былъ, какъ мы уже отмѣтили, лишь «стилемъ», лишь формою безъ живого содержанія, — въ то время какъ максимализмъ Имперіи былъ живою дѣйственной силою огромнаго напряженія. Особенно существенно то, что имперская государственность «большого стиля» была совершенно иначе построена, совершенно иначе психологически обусловлена и совершенно иначе направлена, — сравнительно съ государственностью московской. Во всякомъ случаѣ зажгла и привлекла Украину къ Россіи, заставила ее, какъ вполне справедливо отмѣчаетъ Трубецкой, принять не за страхъ, а за совѣсть самое активное участіе въ общерусскомъ національномъ строительствѣ, — не московская, а имперская государственность. Это и хронологически такъ и не могло быть иначе и по самому существу.

Трубецкой критикуетъ построенія Дорошенка, въ общемъ, весьма плодотворно. Немало отдѣльныхъ чрезвычайно

вѣскихъ и яркихъ сужденій высказываетъ онъ и отъ себя. Но указанный и нѣкоторые другіе дефекты его аргументаціи — придаютъ его оцѣнкамъ характеръ нѣкоторой половинчатости, чего-то недосказаннаго. Очень многое взято имъ въ ненадлежащемъ «разрѣзѣ», а потому и привело его къ выводамъ, по меньшей мѣрѣ сомнительнымъ. Онъ несомнѣнно подвинулъ творческое разрѣшеніе намѣченной проблемы, но все-же оставилъ въ ней много неяснаго и тусклаго — даже въ самой основѣ своей мысли.

Всего сильнѣе эта тусклость проявляется въ пониманіи націи и взаимныхъ отношеній между нею и культурою и государственностью. Между тѣмъ «нація» именно и является тѣмъ химическимъ реактивомъ, при соприкосновеніи съ которымъ проясняются всѣ «тусклости» украинской проблемы, допущенныя въ ея построеніи обѣими спорящими сторонами, и разсѣиваются всѣ допущенныя ими недоразумѣнія.

6.

Кн. Трубецкой — филологъ. Это и дало ему возможность написать тѣ блестящія, исчерпывающія вопросъ, страницы, въ которыхъ онъ показалъ, какъ всѣ литературные роды и даже самъ языкъ старой Москвы изсякли въ XVII столѣтіи. Они такъ сказать засохли на корню, такъ что потребовалось, выражаясь фигурально, усиленное вспрыскиваніе «малороссина», чтобы вновь ихъ оживить...

Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ филологіи Трубецкого заключены и нѣкій источникъ его слабости. Какъ всякій специалистъ, онъ невольно склоненъ преувеличивать значеніе своей специальности. Правда, языкъ былъ очень крупнымъ факторомъ въ созданіи именно русской культуры и до сихъ остается однимъ изъ ея наиболѣе творческихъ и наиболѣе «физиономическихъ» признаковъ: тема, къ которой мы еще вернемся впоследствии. Тѣмъ не менѣе вопросы языка отнюдь не имѣютъ, говоря вообще, того рѣшающаго значенія въ области культурнаго и національнаго, которое имъ приписывалось въ данной области еще два десятка лѣтъ тому назадъ. Въ этомъ отношеніи трудно не согласиться съ Дорошенкомъ, что стремленіе Украины къ особности (культурной и политической) «появилось-бы даже и въ томъ случаѣ, если-бы украинцы и русскіе говорили совершенно на одномъ языкѣ и если-бы не существовало никакой отдѣльной украинской литературы».

Поэтому-то и приходится, въ частности, поставить знакъ сомнѣнія и подъ утвержденіе Трубецкого, что взаимное притяженіе между Москвою и Україною превозмогло, въ XVII вѣкѣ, взаимное-же между ними отталкиваніе по той будто-бы причинѣ, что «существовало сознание общерусскаго единства». Это едва-ли было такъ. Впрочемъ, Трубецкой и самъ указываетъ на иную, ближайшую, цѣль соедине-

нія съ Москвою, съ точки зрѣнія тогдашней Украйны: сохраненіе православія. Правда, тогдашнее украинское православіе не вполне совпадало съ православіемъ московскимъ, сильно засореннымъ этническими теченіями. Съ другой стороны ничто тогда не угрожало украинскому православію непосредственно — даже и при отсутствіи политической связи съ Москвою. Но въ этомъ отношеніи дѣйствительно могла чувствоваться для Украйны нѣкоторая опасность въ будущемъ, т. е. со стороны Польши. Однако для сознанія этой — въ условіяхъ эпохи — довольно отдаленной опасности было еще очень далеко до «сознанія общерусскаго единства». И если уже «читать въ сердцахъ» тогдашнихъ украинскихъ уніонистовъ, то можно думать, что они шли на соединеніе съ Москвою скорѣе именно во имя сохраненія своей конфессіональной и культурной особенности, чѣмъ вслѣдствіе сознанія общерусскаго единства. Не это единство спасали они, а именно свою особность. Ихъ политика какъ кажется, ни въ какой степени не была продиктована какимъ-либо «общерусскимъ» романтизмомъ. Они видѣли польскую опасность, но видѣли также и опасность московскую; но они считали ее по многимъ причинамъ менѣе значительной. Они видѣли угрозу своей особности со стороны Польши, но эту же особность они ревниво оберегали и въ договорахъ съ Москвою... Что касается послѣдней, то и въ ея тогдашней украинской политикѣ трудно видѣть сознаніе «общерусскаго единства».

Въ этомъ-то пунктѣ и выступаетъ все дѣйственное значеніе явленія націи. Въ этомъ-то пунктѣ и пріобрѣтаетъ живѣйшій интересъ познаніе ея природы, источниковъ ея возникновенія и горящаго ея центра... Всѣмъ этимъ явно пренебрегаютъ обѣ спорящія стороны. Между тѣмъ именно «нація» и является тѣмъ пробнымъ камнемъ, который единственно только и можетъ опредѣлить природу и удѣльный вѣсъ всѣхъ многочисленныхъ факторовъ, введенныхъ ими въ предѣлы ихъ полемики*). Въ томъ-то и дѣло, что Москва

*) Авторъ первоначально предполагалъ предпослать дальнѣйшему краткій историко-догматическій анализъ явленія націи, т. е. критику господствующихъ въ данной области воззрѣній и изложніе своей конструкціи данной концепціи. Однако онъ пришелъ къ заключенію, что подобное осложненіе непосредственной темы настоящей работы окажется не въ ея интересахъ. Проблема «націи» принадлежитъ къ числу наиболѣе запутанныхъ въ наше время, и поэтому слишкомъ сжатый обзоръ связанныхъ съ нею вопросовъ едва-ли оказался-бы плодотворнымъ. Болѣе-же подробный анализъ явленія націи, удлинивъ сверхъ мѣры настоящую работу, вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно нарушилъ-бы ея архитектуру и повелъ-бы къ нѣкоторому «свѣторазсѣянію» во вниманіи читателя. Основные линіи концепціи автора въ данной области выяснятся съ достаточной опредѣленностью въ дальнѣйшемъ изложеніи.

XVII вѣка чувствовала себя — пусть и одряхлѣвшею — но все-же націей: націей московскою, а никакъ не «общерусскою». Если терминъ «всѣя Русіи» титула ея государей и служилъ ей, въ извѣстномъ смыслѣ, программю, то не слѣдуетъ забывать, что это была въ лучшемъ случаѣ лишь тактическая программа, скрывавшая въ дѣйствительности отнюдь не «общерусскія», а именно московскія тенденции. Съ точки зрѣнія этихъ тенденцій, жители Украины, которыхъ Москва называла «черкасами», были для нея, несмотря на единство вѣры, не своими, а чужими, людьми, не принадлежавшими къ ея «націи». И все это превосходно понимали, съ другой стороны, и украинцы, также чувствовавшие себя находящимися внѣ московской націи, не принадлежавшими къ ней.

Желая ослабить тезисъ «общерусскаго единства», Дорошенко подчеркиваетъ, что все дѣло шло въ XVII вѣкѣ о соединеніи съ Москвою Гетманщины, т. е. лишь сравнительно небольшой части Киевской Руси. Значить, если даже допустить правильность тезиса Трубецкого относительно Гетманщины — разсуждаетъ онъ — то все-же окажется, что сознание общерусскаго единства оставило тогда внѣ поля своего дѣйствія большинство областей Киевской Руси, т. е. весь правый берегъ Днѣпра. И нельзя не признать, что, несмотря на нѣкоторую специфичность этого аргумента, онъ сохраняетъ полную силу, т. е. дѣйствительно зарождаетъ сомнѣнія въ существованіи въ ту эпоху сознанія «общерусскаго единства». Но этотъ аргументъ даетъ и большее. Онъ вскрываетъ ясную картину того, что собственно произошло тогда съ гетманскою Украиной и показываетъ, что ея соединеніе съ Москвою опредѣлили не «национальные», въ смыслѣ кн. Трубецкого (т. е. въ смыслѣ «общерусскаго единства»), не культурные и даже не религіозно-конфессіональные факторы, а прежде всего причины политическаго и даже можно сказать: стратегическаго характера. Это соединеніе соотвѣтствовало взаимному географическому положенію Москвы и лѣвобережной Украины и реальному соотношенію силъ на среднемъ Днѣпрѣ.

7.

Но Дорошенко не правъ, когда онъ мотивируетъ «самостійность» Украины — отчасти въ противорѣчій съ собственными весьма трезвыми взглядами на значеніе лингвистическаго фактора — ея этнической самобытностью. И Дорошенко платитъ въ этомъ отношеніи обильную дань еще живымъ, слишкомъ живымъ, предразсудкамъ недавняго прошлаго, смѣшавшаго лингвистическій факторъ съ этническимъ и незамѣтно сливавшаго ихъ во-едино. Впрочемъ, весьма недалеко въ этомъ отношеніи отъ высказываемаго

Дорошенкомъ и взгляды Трубецкого. И для Трубецкого, хотя онъ и чувствуетъ (какъ, впрочемъ, и Дорошенко) тѣсную связь націи съ культурою, нація есть все-же нѣчто весьма близкое къ этому, нѣчто возникающее изъ этноса, нѣкое его порождение и преломленіе... Что въ дѣйствительности это совсѣмъ не такъ, т. е. что на этносъ и изъ этноса нельзя создать націи — показываетъ какъ разъ исторія Украйны и, въ частности, ея соединеніе съ Москвою. Но тоже самое показываетъ и исторія Московской націи, т. е. самой Москвы.

Что, въ самомъ дѣлѣ, представляла собой Украйна въ эпоху ея соединенія съ Москвою, Украйна — не забудемъ этого — только что пережившая, вдобавокъ, соціальную революцію огромнаго напряженія, почти стершую съ лица земли ея правящій и культурный слой? Она именно и была этносомъ — почти въ чистомъ его видѣ. Въ этомъ морѣ этноса были разбросаны кое-гдѣ небольшіе оазисы «образованности», т. е. культуры въ тѣсномъ смыслѣ. При этомъ главнѣйшій изъ нихъ — Кіевскій а также и другіе болѣе значительные центры этой культуры находились въ правобережной Украйнѣ, т. е. внѣ области, соединившейся съ Москвою. Но и Кіевскій и остальные украинскіе культурные центры вѣками жили уже, въ сущности, внѣ какого-либо національнаго русла. Въ лучшемъ случаѣ они жили національною традиціею, именно древней традиціею Кіевской Руси. Но въ эпоху XVII вѣка эта традиція была давно уже омертвѣвшей традиціею, историческимъ переживаніемъ, формою почти безъ всякаго живого содержанія. И поскольку она еще была жива, она всецѣло перелилась въ церковную, конфессіональную, жизнь... Нельзя, конечно, отрицать, что и эта церковно-конфессіональная жизнь, да и вообще украинская культура того времени, заключали въ себѣ возможности новаго національнаго развитія. Мы обращаемъ особое вниманіе читателя на это наше замѣчаніе и еще вернемся къ этой темѣ. Пока-же только отмѣтимъ, что мы готовы въ данномъ отношеніи принять и приложить къ Украйнѣ евразійскій терминъ «мѣсторазвитія», понимая его какъ развитіе въ возможности.

Но тутъ-то и сказалась историческая судьба Украйны, ея положеніе между двумя государственностями «большаго стиля». Будучи существенно отлична — и этнически и въ смыслѣ «мѣсторазвитія» — и отъ Польши и отъ Московіи, Украйна тѣмъ не менѣе не создала «націи», т. е. не создала ее на своей собственной этнической почвѣ. Втеченіе вѣковъ Украйна была только «мѣсторазвитіемъ», т. е. культурнымъ соединствомъ, лишеннымъ подлинной націообразной силы. И въ этомъ нельзя не видѣть не только параллелизмъ, но и прямое послѣдствіе ея политической судьбы. Она была именно «Украиною», т. е. окраиной двухъ національ-

ныхъ міровъ: польскаго и московскаго. Она была чѣмъ-то неопредѣленнымъ, какимъ-то придаткомъ къ нимъ, такъ и не сумѣвшимъ выработать подлинной и своей собственной государственности. Отсюда-то (отчасти) — отмѣченный Трубецкимъ украинскій государственный «минимализмъ»... Украйна такъ и осталась какимъ-то *condominium* о́мъ двухъ сосѣднихъ міровъ, окончательный раздѣлъ котораго былъ предоставленъ грядущей судьбѣ...

Судьба Полтавщины и Черниговщины была предопредѣлена уже въ Переяславскомъ актѣ: эти области влились въ разлагавшійся національный міръ Москвы, тогда уже начавшій незамѣтно превращаться въ Россійскую націю, въ національный міръ Имперіи... Что касается южно-русскихъ и западно-русскихъ областей, отошедшихъ къ польско-литовскому государству, то для ихъ населенія уже ранѣе была выработана вполне точная и вполне соотвѣтствующая дѣйствительности формула: *gente Ruthenus, natione Polonus*. Но когда погибла политически, въ свою очередь, и Польша, то началось и расползчиваніе отошедшихъ къ ней нѣкогда частей Киевской Руси. Этотъ процессъ происходилъ медленно и въ началѣ совершенно незамѣтно. Началось даже съ нѣкотораго расширения субстрата польской націи за счетъ русскихъ элементовъ. Тѣмъ не менѣе этотъ процессъ расползчиванія былъ очень интенсивенъ и происходилъ онъ — совершенно независимо отъ какихъ-либо «особыхъ мѣръ» правительства (большею частью лишь тормозившихъ его). На это мало обращаютъ вниманія, но результаты этого — разумѣется, національно-россійскаго (а не національно-украинскаго) — интегрирующаго процесса оказались къ 1914 году не только весьма ощутительными, но и неожиданными по своему размѣру. Этотъ процессъ распространился даже (несмотря на неослабшія силу и энергію католичества, бывшаго въ Польшѣ всегда окрашеннымъ національно) и на чисто польскіе элементы.

8.

Итакъ Украина XVII вѣка обнаружила полную неспособность создать націю изъ этноса. Но такое-же безсиліе и прямую невозможность обнаруживаетъ въ томъ-же отношеніи и какъ разъ въ ту-же эпоху — и исторія Москвы.

На соотношеніе въ Московскомъ государствѣ силъ этноса и націи обращаютъ обыкновенно слишкомъ мало вниманія. Между тѣмъ именно во взаимномъ отношеніи этихъ силъ едва-ли не заключена разгадка всей русской судьбы. Москва XIV—XVI столѣтій была, въ смыслѣ государственности и націи, не этническимъ, а скорѣе контръ-этническимъ образованіемъ. Достаточно указать, что территоріальнымъ субстратомъ Московскаго міра была Ростово-Суздальская область, т. е. область въ полномъ смыслѣ этого слова и въ

многообразныхъ отношеніяхъ ко л о з а ц і о н н а я. И весь національный паѳосъ, вся національная энергія Москвы, не говоря уже о непосредственномъ національномъ дѣланіи, т. е. повседневной работѣ въ области государственнаго и церковнаго культурнаго строительства, имѣли и источникомъ и проводникомъ элементы, вполнѣ чуждые туземно-этническимъ. Московская аристократія была не только символомъ и выраженіемъ, но и главнѣйшимъ и часто единственнымъ органомъ всего національнаго творчества Москвы, которое она и воплотила въ себѣ. Не слѣдуетъ забывать, что и церковь, какъ по личному составу іерархіи, такъ и по всему своему стилю и основнымъ, сугубо-национальнымъ, тенденціямъ была въ Московскомъ государствѣ (какъ и вообще въ древней Россіи) — ярко аристократическимъ учрежденіемъ. Вообще можно сказать, что Московская аристократія создала весь стиль національной жизни и опредѣлила ея тактъ и направленіе.

Центральнымъ фактомъ, ярко характеризующимъ создавшееся въ Москвѣ положеніе, было то, что Москва XIV—XVI столѣтій, т. е. Москва, въ смыслѣ Московскаго правительства и московской аристократіи, вовсе и не была — этнически — великорусскою силою. Историческое ядро Московской боярской аристократіи составляла группа родовъ, прибывшихъ изъ Пруссіи (нынѣшнихъ Восточной и Западной Пруссіи) подъ давленіемъ Тевтонскаго Ордена. Къ этому ядру присоединились немного позднѣе покинувшіе свои удѣлы князья Рюриковичи, т. е. князья варяжскаго происхожденія, и князья Гедиминовичи (литовцы). Вокругъ этихъ трехъ основныхъ категорій и сгруппировались въ послѣдствіи прибывавшіе на службу къ великому князю выходцы изъ различныхъ странъ, преимущественно изъ Пруссіи и Швеціи, также изъ Польши, «цесарскихъ земель» (Германіи) и Венгріи, въ меньшемъ числѣ — татарскіе, ногайскіе и черкесскіе (кавказскіе) мирзы и князья. Изъ этого вполнѣ ясно видно, что Московская аристократія была сплошь иноземнаго и при томъ преимущественно западнаго происхожденія*). Такимъ

*) Изъ 313 родовъ, внесенныхъ въ Бархатную книгу и представляющихъ цвѣтъ боярской аристократіи, вполнѣ можетъ быть установлено иноземное происхожденіе 288 родовъ. Изъ нихъ 261 родъ западнаго происхожденія (включая и роды византійскаго происхожденія) и 27 родовъ — происхожденія восточнаго. Что касается остальныхъ 25 родовъ, то они переселились въ Москву изъ Западной Россіи, т. е. изъ древней Кіевской Руси. Ихъ иноземное, а именно западное, происхожденіе не только въ высшей степени вѣроятно, но даже почти несомнѣнно. Извѣстно, что княжеская дружина Кіевской Руси, отъ которой несомнѣнно происходятъ эти роды, была, какъ и сама наша древняя династія, варяжскаго происхожденія. Во всякомъ случаѣ, среди основного ядра московскаго боярства не было ни одного рода туземнаго, т. е. восточно-русскаго, происхожденія.

образомъ начавшееся на самой зарѣ нашей исторіи «приваніе варяговъ» повторилось и въ Москвѣ. Оно-то и оплодотворило Московское «мѣсторазвитіе», т. е. создало Московскую націю. Не подлежитъ сомнѣнію, что потомство всѣхъ этихъ выходцевъ изъ чужихъ земель постепенно русъ-ло — однако не столь быстро и не столь полно (т. е. въ смыслѣ зараженія фізіономическими чертами туземныхъ элементовъ и вообще туземно-этнической психологіей), какъ это можно было-бы предполагать. Московское боярство всегда сознавало свою особность и отличность отъ туземныхъ этническихъ элементовъ. Эта особность и отличность поддерживались и тѣмъ, что эмиграціонная волна не прекращалась за все время существованія Московскаго государства. Такъ, наряду съ старомосковскимъ боярствомъ, составились, также преимущественно изъ иноземныхъ элементовъ, и среднія группы дворянства. Наконецъ, рядомъ съ этими двумя политическими аристократіями возникла въ Москвѣ, и получила въ ней первостепенное значеніе военная и торгово-промышленная иноземная аристократія Нѣмецкой Слободы.

Всѣ эти факты имѣютъ для насъ ту цѣнность, что они объясняютъ русскую исторію: безъ этихъ фактовъ ее вообще нельзя было-бы понять. Нельзя было-бы прежде всего понять, почему именно Москва, окруженная восточною анархическою стихіей, смогла сыграть творческую и организующую, западную, роль — въ то время какъ государственно-національное творчество Западной Россіи, куда болѣе предназначенной для этой роли характеромъ своей народной Психе, но имѣвшей несчастье уничтожить свою аристократію, т. е. обезглавить себя, завершилось творчествомъ восточно-этническихъ теченій, т. е. политическо-національнымъ банкротствомъ.

Какъ-бы то ни было, но для того, чтобы понять русскую судьбу, слѣдуетъ хорошо себѣ уяснить создавшееся въ Москвѣ чрезвычайно сложное — этнически и психологически — положеніе. Сущность его заключалась въ томъ, что сама Москва, какъ историческая и національная сила, была какъ-бы островомъ въ морѣ окружавшей ее этнической стихіи. Московскій духъ (какъ въ послѣдствіи и Петербургскій) былъ противоположенъ духу этой стихіи, и Московская государственность, какъ и весь вообще московскій культурный и соціальный укладъ — а сказать короче: московская нація — были (какъ въ послѣдствіи и имперско-петербургская) борьбою съ восточно-русскими этническими хаосомъ и анархіей... Тѣмъ не менѣе послѣдніе и вообще вся окружающая Москву этническая стихія клали на нее свой отпечатокъ. Такъ-то московскій національный духъ оказался въ концѣ концовъ безсильнымъ справиться съ ними. Это осла-

бленіе національныхъ силъ порядка и устроенія, это торжество этническихъ теченій, и нашли драматическое выраженіе въ Смутномъ времени, продолжавшемся и при первыхъ Романовыхъ. Но все-таки Москва XVII-го вѣка унаслѣдовала изъ прошлаго достаточно силы, чтобы, сбросивъ, въ явленіи Петра, этнической образъ ветхаго человѣка, возродиться къ новой жизни — въ образѣ новой, имперской націи.

Не забѣгая впередъ, остановимся пока на эпохѣ соединенія Московскаго государства съ Украиной. Въ эту эпоху процессъ ослабленія національныхъ силъ въ ихъ борьбѣ съ силами этническими и одновременнаго проростанія націи этносомъ распознается вполне отчетливо, хотя острый кризисъ Смутнаго времени тогда уже миновалъ. И если историческій примѣръ Украины обнаружилъ тогда, что изъ этноса нельзя создать націи, то примѣръ Москвы XVII вѣка столь-же наглядно показываетъ, какъ этносъ можетъ разрушиться и погубить націю. Мы вообще находимъ въ обоихъ нашихъ «мѣсторазвитіяхъ» — сѣверо-восточномъ и юго-западномъ — много чертъ сходства въ данную эпоху — въ отношеніи интересующаго насъ вопроса о бытіи націи и кореннаго ея противоположенія этносу.

Начать съ того, что и Москва XVII вѣка, съ самаго начала его (Смутное время) и вплоть до конца (стрѣлецкіе и казачьи бунты) испытала такой-же натискъ этническихъ волнъ, какъ и современная ей Украина. И если въ послѣдней этотъ натискъ сконцентрировался главнымъ образомъ въ народномъ возстаніи 1649 года, то въ дополненіе ему можно указать, въ Московіи, на возстаніе Стеньки Разина (1670—1671 г.г.).

Времена крѣпчайшаго національнаго сцѣпленія (крѣпчайшаго — несмотря на живую реальность удѣльнаго распорядка!), времена Дмитрія Донскаго и первыхъ Василіевъ и даже времена пестраго, смѣшаннаго стиля, ренесанса Ивана Грознаго — миновали безвозвратно. Московская государственность XVII вѣка, кажущаяся нѣкоторымъ (издали) столь декоративной, была на самомъ дѣлѣ и несмотря на указываемый кн. Трубецкимъ традиціонный государственный «максимализмъ» Москвы — лишь тѣнью государственности. Тогдашній московскій режимъ былъ въ дѣйствительности режимомъ капитуляціи: капитуляціи не только передъ народнымъ бунтомъ, въ смыслѣ такихъ значительныхъ движеній, какимъ было возстаніе Разина, но даже, какъ это неоднократно бывало въ царствованіе Алексѣя Михайловича, передъ городской чернью...

Но дѣло было не только въ этой внѣшней слабости государства, не только въ этихъ внѣшнихъ проявленіяхъ поднявшаго голову и властно заявлявшаго о своемъ существованіи этноса. Главное заключалось въ томъ, что подъ его

вляніемъ перерождалась сама государственность (а также и церковь), и вмѣстѣ съ ними и нація. Изъ формы борьбы съ этносомъ, чѣмъ она была съ самой заріи нашей исторіи, изъ главнѣйшаго фактора созданія націи, государственность сама постепенно превращалась въ функцію этноса, т. е. наполнилась этническими теченіями, проникалась этническимъ содержаніемъ, вообще проростала этносомъ. Тоже самое произошло и съ церковью, причѣмъ въ церкви это проникновеніе этническими теченіями началось гораздо раньше — еще съ великихъ, церковныхъ ересей и бореній XV вѣка. И насколько Московская церковь уже въ XVI вѣкѣ отклонилась отъ древле-православной традиціи, — видно хотя-бы изъ постановленій Стоглаваго собора... Такими-то многообразными путями этнось просачивался и въ самоѣ націю, т. е. разлагалъ ее. Нація постепенно обмирала, теряла свой тактъ и стиль, свое направленіе, все своѣ дававшее ей смыслъ и силу, метафизическое содержаніе. Явленія, въ которыхъ сказывался этотъ процессъ разложенія націи, были многообразны. Въ частности, сюда относится и столь блестяще демонстрированное кн. Трубецкимъ умираніе Московскихъ литературнаго языка и вообще литературы. Того-же порядка и фактъ упадка въ то-же время русскаго церковнаго искусства (работы П. Муратова). Сюда-же относится, наконецъ, и антиципированное московское славянофильство (или евразійство) XVII вѣка. Это-то «славянофильство», это-то обожествленіе быта, и порождало коллизіи, внутреннія противорѣчія и прямой расколъ въ сознаніи московскихъ людей: противорѣчія между, съ одной стороны, чисто этническимъ, въ его основѣ, чувствомъ «избранности» и чувствомъ отсталости, безсилія и неумѣнія съ другой. Я уже касался (см. выше гл. 4) этихъ противорѣчій въ московской психологіи XVII вѣка. Добавлю, что въ результатѣ все это и вело къ національному безсилію, къ потерѣ живого чувства націи, незамѣтно превращавшейся въ этнось, т. е. къ національному самоубійству.

Предыдущимъ нисколько не отрицается наличность въ Московіи XVII вѣка и положительныхъ, творческихъ процессовъ. Можно привести не мало фактовъ, противорѣчащихъ, на первый взглядъ, вышеизложенному, или, по крайней мѣрѣ, ослабляющихъ нашу характеристику. Но дѣло не въ этихъ отдѣльныхъ фактахъ, а въ ихъ общей равнодѣйствующей, т. е. въ общемъ характерѣ Москвы XVII вѣка. Привести къ познанію эпохи, къ познанію ея сущности, можетъ, какъ вполне справедливо говоритъ Трубецкой, лишь максимальное «вчувствованіе» въ нее, т. е. физиономи-

ческое ея познание. Вотъ это-то физиономическое проникновение въ Москву XVII вѣка и приводитъ къ вопросу, что данная эпоха была эпохою разложенія московской націи... Что касается фактовъ, противорѣчащихъ, на первый взглядъ, этой основной ея тенденціи, то можно вообще сказать, что націи никогда не умираютъ сразу — во всѣхъ своихъ проявленіяхъ и отправленіяхъ. И въ больномъ, даже умирающемъ организмѣ не разстраиваются сразу всѣ функціи и даже продолжается наращиваніе клѣточекъ. Такъ, по инерціи, продолжалось и на Москвѣ XVII вѣка дѣло государственнаго строительства. И даже болѣе того: въ ней жили великія предчувствія и зарождались уже зачатки новой націи.

Но эти-то зачатки, эти-то исканія новаго, — и показываютъ лучше всего, что отъ старой, московской, націи уже отлетѣла живая душа. Создавшееся въ этомъ отношеніи на Москвѣ XVII вѣка положеніе не было особенно отлично отъ того, которое было на Украинѣ. Украина, какъ мы видѣли, была связана съ древнею Кіевскою Русью лишь давно уже омертвѣвшей исторической традиціей и была вынуждена культивировать, въ силу своего положенія между двумя государственностями «большого стиля», государственный минимализмъ. Вдобавокъ, она только что сама обезглавила себя, т. е. лишила себя своего національнаго **par excellence** общественнаго слоя. Все это и создавало условія, препятствовавшія выработкѣ на Украинѣ самостоятельной націи. Москва-же была, въ противоположность Украинѣ, подлинной націей. Но эта нація находилась въ состояніи омраченія и разложенія. Косвенно это признаетъ, вопреки собственному чувству, и Трубецкой — говоря, что Россія объявила, на рубежѣ XVII и XVIII вѣковъ, старую московскую культуру «отжившей и ненужною». Но спрашивается: можетъ-ли нація отвергнуть свою культуру? Не показываетъ-ли она, отвергая ее, что это не ея культура, что она — новая нація, что не эта культура ее создала, т. е. что связанная съ этою культурою нація уже умерла?

9.

На точкѣ пересѣченія двухъ вышенамѣченныхъ историческихъ линій — невозможности созданія націи изъ украинскаго «мѣсторазвитія» и разложенія Московской націи — и зародится новая, Россійская, нація... Въ результатъ своей полемики съ Дорошенкомъ, Трубецкой объявляетъ, что не считаетъ возможнымъ отказаться отъ своей формулы «украинизаціи великорусской духовной культуры». По этому поводу нельзя не замѣтить, что сама эта формула могла быть выведена ея авторомъ — лишь путемъ нѣкотораго насилія надъ системою его собственныхъ воззрѣній. Ибо, въ проти-

воположность пишущему эти строки, кн. Трубецкой выводит и націю и культуру изъ этноса, т. е. строить ихъ на этнической основѣ. Но тѣмъ знаменательнѣе эта многоговорящая формула въ его устахъ — являя превосходный образецъ интуитивнаго познанія. Ея дѣственный смыслъ заключается именно въ томъ, что зарождение Россійской націи — ибо не чѣмъ инымъ и была та «украинизація» московской культуры, о которой говоритъ Трубецкой, — явилось результатомъ внесенія въ Москву новыхъ и чуждыхъ ея этническому міру культурныхъ элементовъ и цѣнностей.

Здѣсь умѣстно существенно дополнить сказанное выше о невозможности создать націю въ украинскомъ «мѣсторазвитіи». Мы очень не хотѣли бы, чтобы это наше утверждение было понято превратно. Во всемъ, что мы до сихъ поръ высказали, не было вообще ни малѣйшей недооцѣнки украинской культуры XVII вѣка, ни малѣйшаго намѣренія принизить ее. Мы, напротивъ, признали, что эта культура заключала въ себѣ возможности новаго національнаго развитія. Но только — не на этнической почвѣ Украины. И въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, Украина XVII столѣтія находилась въ одинаковыхъ съ современной ей Москвою условіяхъ: для того, чтобы оба эти культурныя соединства, оба эти «мѣсторазвитія», могли осуществить заключенныя въ нихъ національныя возможности, имъ обоимъ слѣдовало отрѣшиться отъ этноса, отказаться отъ этнической почвы. Имъ обоимъ надлежало выйти за предѣлы этнической рамки, уйти отъ крови своей и найти для своего національнаго развитія предѣлы болѣе широкіе. И вотъ, въ широкомъ русскомъ ландшафтѣ повторилось то, что столько уже разъ, съ тѣхъ поръ какъ стоитъ міръ, совершалось на землѣ. Всѣ націи міра создавались этимъ путемъ, т. е. внесеніемъ въ свое чужого, или — что одно и тоже — уходомъ отъ своего: уходомъ всегда и прежде всего духовнымъ, но часто и матеріальнымъ, физическимъ. Въ этомъ и заключена тайна рожденія націи, одна изъ вѣщихъ его тайнъ, раскрытая еще въ Ветхомъ Завѣтѣ (Бытія, XII, 1—2): «Пойди изъ земли твоей, отъ родства твоего и изъ дома отца твоего въ землю, которую Я укажу тебѣ. Я сдѣлаю изъ тебя великій народъ и благословлю тебя». Здѣсь слово «народъ» имѣетъ значеніе именно націи. Въ переводѣ **Louis Segond**, одномъ изъ наилучшихъ, здѣсь какъ разъ употреблено слово *nation*, вполне соответствующее слову *λαός* которое встрѣчаемъ въ переводѣ LXX. Вообще нельзя ярче, чѣмъ это сдѣлано въ данномъ текстѣ, опредѣлить чисто духовную сущность націи — въ ея противоположеніи этническо - физиологическимъ категоріямъ

почвы, т. е. родной земли, «дома отца» и вообще плотского «родства»*).

Новый, «домъ», новые широкіе горизонты, новый воздухъ и дала обнимъ «мѣсторазвитіямъ» — зарождавшаяся Имперія. Но прежде, чѣмъ перейти къ существу происшедшаго въ ея зарожденіи сдвига, укажу еще на то, что, несмотря на національную омертвѣлость Украины XVII вѣка, ея культурныя излученія — поздніе отблески древняго сіянія Кіевской державы — были настолько еще сильны и обильны, что они дѣйствовали не только на Востокъ, т. е. не только на Москву, но и на Западъ, т. е. на Польшу. Такъ польскіе писатели, даже не чуждые нѣкотораго шовинизма (напр., Смолка), всецѣло признають, что современная польская *Psyche* представляетъ собою скорѣе амальгаму двухъ стихій: чисто польской и украинской. При чемъ допускають даже, что основные, опредѣляющіе, мотивы польскаго міра заключены именно въ послѣдней. Но вѣдь приблизительно тоже самое — хотя, разумѣется, въ нѣсколько иныхъ преломленіяхъ — произошло и отъ соприкосновенія украинской стихіи съ Москвою.

Вышло такъ, что южно-русская стихія, будучи безсильной создать собственную націю, т. е. націю на своей собственной этнической почвѣ, въ своемъ собственномъ провинціальномъ окруженіи, — сыграла роль оплодотворителя умиравшей Московской націи, также почти превратившейся въ XVII вѣкѣ въ этносъ и глубокую провинцію (несмотря на жившія въ ней традиціи государственности «большого стиля»!). И въ результатѣ этого оплодотворенія и явилась, вмѣстѣ съ новою государственностью «большого стиля», т. е.

*) Различеніе между націей (*λαός*) и этносомъ (*ἔθνος*) строго проводится и въ Новомъ Завѣтѣ, гдѣ мы также находимъ вполне ясную и весьма совершенную концепцію націи, какъ духовной категоріи. Ср. I, Петра, II, 9—10 и особенно Дѣян., XV, 14, гдѣ этносъ *ἔθνος* (въ русскомъ переводѣ греческое здѣсь передается мало-характернымъ словомъ «язычники») прямо противопоставляется «націи» *λαός*. Категорія націи заключаетъ въ себѣ и религиозный моментъ, что всегда и затрудняло точное разграниченіе и отдѣленіе міра религіознаго отъ міра національнаго и выясненіе отношеній между церковью и государствомъ. Общее у этихъ двухъ міровъ уже то, что оба они субстанціально противоположны міру этническаго. Церковь же и нація — государство не субстанціально противоположны другъ другу. Какъ будто государство не имѣетъ также и вѣчныхъ, внѣ-временныхъ цѣлей, какъ будто оно также не дѣлаетъ Божьяго дѣла!.. Въ дѣйствительности церковь и нація - государство идутъ по общему пути и служатъ общимъ цѣлямъ. Ихъ взаимное отношеніе можно сравнить съ отношеніемъ круга ко вписанному въ него многоугольнику. Подобно послѣднему, и нація, не сливаясь съ кругомъ — церковью — находитъ въ ней предѣль.

имперскою, и новая имперская «Всероссійская нація». Не «сознаніе общерусскаго единства», какъ полагаетъ Трубецкой, привело къ соединенію Украины съ Москвою. Напротивъ, это сознаніе, т. е. имперское, всероссійское, національное сознаніе, явилось результатомъ этого соединенія, результатомъ сліянія двухъ весьма отличныхъ другъ отъ друга «мѣсторазвитій» и этническихъ стихій. И это сліянiе, въ которомъ и заключалось зарожденіе новой, Россійской, націи, было прежде всего отрицаніемъ обѣихъ этихъ этническихъ стихій, отказомъ отъ нихъ.

Если смотрѣть на происшедшій въ зарожденіи Россійской націи сдвигъ съ точки зрѣнія Москвы, то онъ былъ двойнымъ: расширился объемъ концепціи націи и одновременно измѣнилось до неузнаваемости, окрасившись совершенно новыми тонами, и все ея содержаніе. Россійская нація уже не могла остаться этническимъ міромъ, чѣмъ была, или, точнѣе, во что выродилась, нація Московская. Вслѣдъ за украинцами, «черкасами», она вскорѣ включила въ себя и прибалтійскія народности и инородцевъ Кавказа, да и иные, давно уже включенные въ Московію, инородцы неизбѣжно оказались, одновременно съ рожденіемъ Россійской націи, включенными въ ея рамку. Были включены въ нее и съѣхавшіеся во множествѣ въ Россію иноземцы... Можно привести немало фактовъ въ подтвержденіе того, что весь этотъ сдвигъ — подобный же сдвигъ создалъ нѣкогда и націю Римской имперіи — задолго уже подготовлялся въ старой Москвѣ. Но какъ ни подсказывалъ его государственно-національный инстинктъ, этотъ сдвигъ не могъ въ ней осуществиться. Напротивъ, Москва все болѣе чувствовала себя этническимъ царствомъ, все болѣе превращалась въ него — пусть она и называла себя царствомъ православнымъ: подъ внѣшней оболочкою этой конфессіональной идеологіи былъ въ дѣйствительности скрытъ этнической инстинктъ. Это и обнаруживается въ томъ, что, имѣя на устахъ православіе, Москва въ дѣйствительности все болѣе отходила отъ него и, вѣроятно, — если бы не Никонъ, — ушла бы отъ него окончательно.

Это-то все и объясняетъ, почему новая, имперская, нація, сохранивъ за православною церковью господствующее положеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ очистивъ само православіе, сильно искаженное въ старой Москвѣ этническими проростаніями, не могла все-таки остаться, подобно умиравшей Московской націи, «православнымъ царствомъ»...

Создавшаяся одновременно съ возникновеніемъ Имперіи національная концепція «россіянина» включила въ себя, по крайней мѣрѣ, въ идеѣ и потенциалѣ, и южноруссовъ-черкасъ и балтійскихъ нѣмцевъ, и чухну, и «друга степей» — калмыка, и литовскаго еврея, и татарина. Въ извѣстномъ смыслѣ, именно Имперія, не особенно любезная сердцу евра-

зійцевъ, осуществила ихъ программу «Россіи - Евразіи». Правда, Имперія включила, съ другой стороны, въ Россійскую націю и любого служилаго иноземца, т. е. представителей западно-европейскихъ странъ... Но имперскій сдвигъ, зарожденіе Россійской націи, — не только расширили объемъ этого понятія, но, какъ было уже нами отмѣчено, измѣнили кореннымъ образомъ и самое его содержаніе. Дѣло въ томъ, что и само вновь родившееся въ имперскомъ сдвигѣ русское національное чувство было существенно отлично отъ прежняго, выродившагося въ этническое, московскаго національнаго чувства (какъ и отъ упадочнаго чувства «русскости» нашихъ недавнихъ сумеречныхъ десятилѣтій, знаменовавшихъ новое возвращеніе къ этносу). Наши предки XVIII вѣка не только приняли въ себя другихъ, но и сами стали иными, чѣмъ были ихъ предки XVII вѣка. Въ чувствѣ «россіянина» была извѣстная приподнятость, извѣстное мужество и творческое устремленіе, извѣстный «высокій стиль» — хорошо намъ знакомые по литературѣ XVIII вѣка и одинаково чуждые и старой Москвѣ и женственной «русскости» сумеречныхъ десятилѣтій XIX вѣка.

Сравнительно съ ними и со старою Москвою, чувство «россіянина» было не только болѣе широкимъ, но и болѣе высокимъ чувствомъ. Быть «россіяниномъ» было труднѣе, значительно, отъ вѣтственности, чѣмъ быть «московскимъ человекомъ» или «русскимъ». Но и по существу это было иное чувство: измѣнились сами признаки національнаго бытія. Сущность «россіяинства», Россіи-Имперіи заключалась не только въ томъ, что она была обширнѣе Москвы матеріально и духовно, но и въ томъ, что она была не-Москвою и даже контръ-Москвою: живымъ отрицаніемъ Москвы. И никто лучше кн. Трубецкого не проникъ въ существо происшедшаго сдвига — хотя онъ и не сумѣлъ углубиться въ его творческій смыслъ (см. ниже главу 10). Это было своеобразное творческое преображеніе національнаго чувства и всего національнаго порядка, въ которыхъ какъ бы магически вновь пробудилось европейское сознаніе. Ибо отказъ отъ Москвы и означалъ, въ своей дѣйственной сущности, возвращеніе къ стилю европейской культуры... И происшедшій въ рожденіи новой, Россійской, націи сдвигъ былъ до такой степени всеобъемлющъ и вмѣстѣ съ тѣмъ до такой степени реаленъ, что онъ не замедлилъ родить и новый физическій типъ, отличный отъ «русскаго» и «московскаго»...

Перенесеніе въ XVII вѣкѣ «Кіевской образованности» въ новую землю, т. е. въ Москву, было явленіемъ глубокой символичности. Ибо и послѣдующій духовно-территориальный сдвигъ въ Петербургъ былъ, въ глубочайшемъ своемъ существѣ, не чѣмъ инымъ, какъ возвращеніемъ

въ Кіевъ. Русская цивилизація, русская культура, вернулись, какъ и сама русская нація, къ своимъ истокамъ: Новгороду и Кіеву. Кіевская Русь была «націей въ стилѣ европейской культуры». И такую-же націей въ стилѣ европейской культуры стала вновь Петербургская Россія... Можно при этомъ замѣтить, что признаніе европейскаго культурнаго цикла отнюдь не заключаетъ въ себѣ отрицанія отдѣльныхъ его «мѣсторазвитій»: Франціи, Англіи, Италіи, Германіи и другихъ. Но въ числѣ этихъ «другихъ» находилась, съ самаго начальнаго момента своего зарожденія, какъ культуры и государственности, какъ націи, — и Кіевская Русь. И не случайно то, что и самое рожденіе Кіевской, «Русьской», націи совпало во времени съ рожденіемъ остальныхъ европейскихъ націй — всѣ онѣ возникаютъ около 1000 г, по Р. Х.

Кіевская образованность, да и вообще всѣ шедшіе въ Московію изъ Украйны многочисленныя токи, были цѣнны для Москвы и для зарождавшейся Россійской націи не своими этническими, специфическими украинскими, излученіями, а главнымъ образомъ заключеннымъ въ украинской культурѣ западнымъ, европейскимъ, духомъ. Этотъ духъ и возвратилъ Россіи ея древнее европейское выраженіе, ея древнее европейское лицо, въ значительной степени утраченныя въ Москвѣ... Кн. Трубецкой, какъ кажется, нѣсколько преувеличиваетъ провинціализмъ европейскаго лица Украйны — не вообще ея провинціализмъ (въ смыслѣ этнизма), но именно провинціализмъ ея европейскаго лица. Но даже если Трубецкой и правъ въ этомъ отношеніи, то мы знаемъ, что вскорѣ за рецепціей Москвою украинской культуры Россія вошла и въ непосредственную связь съ европейскимъ Западомъ и окунулась въ его духъ. Во всякомъ случаѣ, Россійская нація и культура должны благодарно хранить въ своей памяти тотъ фактъ, что національное возрожденіе Россіи XVII—XVIII вѣка началось съ того, что князь Трубецкой называетъ — можетъ быть, и не вполне совершенно съ точки зрѣнія «филологической», по существу вполне справедливо — ея «украинизаціей».

10.

До какой степени реальна, до какой степени дѣйствительна была рожденная въ этой «украинизаціи» и послѣдующемъ европейскомъ сдвигѣ Россійская нація, — видно лучше всего на судьбѣ выросшихъ въ ея рамкѣ поколѣній украинской интеллигенціи. «Можно было для украинцевъ XVIII вѣка занимать на имперской службѣ высокія посты вплоть до канцлера, говоритъ Дорошенко, но въ тоже время рѣдкій изъ нихъ забывалъ свою принадлежность къ націи малороссійской». Въ этомъ сужденіи поразительно отсутствіе исторической интуиціи, даже простаго пониманія смы-

сла словъ. Неужели авторъ не чувствуетъ, что это и ему подобныя выраженія совершенно не имѣли въ устахъ дѣятелей XVIII вѣка малороссійскаго происхожденія, того значенія, которое онъ хочетъ въ нихъ найти? Неужели онъ не чувствуетъ, что выраженія вродѣ «малороссійская нація» — существуетъ вѣдь и выраженіе: женская нація — имѣли въ ихъ устахъ лишь фигуральный, а часто и прямо ироническій смыслъ? На самомъ дѣлѣ Украина не была, какъ мы видѣли, націей и въ XVII вѣкѣ, т. е. до своего соединенія съ Москвою. А *fortiori*, она не могла стать ею — въ XVIII-мъ. . . Все это отнюдь еще не значитъ, что она вообще не могла бы стать ею, и мы еще вернемся къ этому вопросу. Не означаютъ эти наши сужденія и того, что въ дѣятеляхъ XVIII и XIX вѣковъ малороссійскаго происхожденія не дѣйствовали, наряду съ основными національными (т. е. имперскими) директивами и сознаниемъ, — и нѣкоторыя силы специфически-украинскаго «мѣсторазвитія». Каждая область Россіи вносила въ этомъ отношеніи очень много своего въ общеимперскій національный спектръ. И какъ самъ національный нашъ языкъ звучалъ далеко не одинаково въ отдѣльных частяхъ национальной территоріи, такъ, съ другой стороны, люди даже не владѣвшіе національнымъ языкомъ, какъ многіе восточные инородцы, или, напр., — до послѣдняго десятилѣтія XIX вѣка — прибалтійскіе нѣмцы, все-же входили въ национальное дѣло. Они не только служили ему, но — что въ данномъ случаѣ является еще болѣе важнымъ — исходили изъ него, т. е. являлись его продуктомъ.

Родиной украинскіхъ дѣятелей могли быть Чигиринъ, Кіевъ и Полтава, но ихъ отечествомъ была только Имперія, только Россія. И именно украинцы втягивались въ ея національное цѣлое, котораго они были одни изъ первѣйшихъ по времени создателей, болѣе другихъ и все сильнѣе. Въ XIX вѣкѣ, съ чѣмъ, повидимому, соглашается и Дорошенко, нельзя было уже говорить о «малороссійской націи» — даже фигурально, даже иронически. Это и явилось результатомъ поступательнаго движенія того, что кн. Трубецкой называетъ «общерусской» культурой и что было-бы правильнѣе и точнѣе назвать культурой имперско-национальной. При такой перелицовкѣ мысли кн. Трубецкого, при такомъ перестроеніи ея основы, нельзя не согласиться съ нижеслѣдующими его сужденіями. «Великорусы никогда не откажутся, говоритъ онъ, отъ всего наслѣдія общерусской культуры XVIII и XIX вѣковъ, не только отъ того, что внесли въ эту культуру они сами, но и отъ того, что внесли украинцы. Они не откажутся не только отъ Пушкина и Толстого, но и отъ Гоголя, не только отъ Менделѣева и Шахматова, но и отъ Потебни и Костомарова. И, поступая такъ, великорусы будутъ совершенно правы, ибо, во пер-

выхъ, названные украинскіе творцы культурныхъ цѣнностей неотдѣлимы отъ общаго контекста русской культуры, органически входятъ въ этотъ контекстъ, принадлежатъ ему, а во вторыхъ, не отказываясь отъ своего украинства, всѣ они въ тоже время не отказывались и отъ своей русскости и творили не для однихъ украинцевъ, но для всѣхъ русскихъ. Но если великорусы съ полнымъ правомъ считаютъ Гоголя, Потебню, Костомарова и т. д. не чужими, а своими, то вѣдь и украинцы имѣютъ такое-же право считать своими, а не чужими — такихъ общерусскихъ творцовъ, какъ Пушкинъ, Толстой, Достоевскій, Менделѣевъ, Шахматовъ и т. д.; ибо, во первыхъ, тотъ общій контекстъ русской культуры, безъ котораго эти творцы были-бы невозможны, создавался при дѣятельномъ участіи украинцевъ, а, во вторыхъ, всѣ эти творцы творили культурныя дѣятели не для однихъ великорусовъ, а для всѣхъ русскихъ, считая таковыми и украинцевъ».

Все это — со сдѣланною выше оговоркою — совершенно справедливо. Но тутъ-то и встаетъ, во весь свой исполинскій ростъ, и властно требуетъ отвѣта основной вопросъ, которому посвященъ настоящій очеркъ. Какъ могло возникнуть это столь мастерски очерченное кн. Трубецкимъ чудо «общерусской культуры», т. е. въ конечномъ итогѣ, чудо Россійской націи. И наилучшую формулировку отвѣта на этотъ вопросъ даетъ самъ кн. Трубецкой. Россійскую націю именно и создало положеніе, при которомъ, говоря его словами, — во имя величія Россіи практически преслѣдовалось все самобытно русское. Трудно ярче и сильнѣе, проникновеннѣе, выразить существо и горящій центръ зарожденія и созданія Россійской націи. Это преслѣдованіе и искорененіе всего «самобытно-русскаго» и есть отказъ отъ этнизма и борьба съ нимъ. И этотъ отказъ и борьба дѣйствительно создали Россійскую націю и русскій культуру. Но Трубецкой, цѣняя эту культуру, считаетъ «положеніе», ее создавшее, т. е. отрицаніе этнизма и борьбу съ нимъ, «нелѣпнымъ». Мы-же, напротивъ, считаемъ прозрѣніе и инстинктъ, приведшіе къ этому «положенію», по истинѣ, гениальными.

«Неудивительно, говорить Трубецкой, что въ русскомъ обществѣ появились теченія, направленные къ утвержденію самобытности и выявленію русскаго національнаго (авторъ, вообще не дающій себѣ отчета въ существѣ «національнаго», разумѣетъ здѣсь подъ послѣднимъ скорѣе именно то, что мы называемъ этническимъ и что, въ глубочайшемъ своемъ существѣ, всегда является именно контръ-національнымъ) лица. Но поскольку эти теченія направлены были именно противъ отвлеченности общерусской культуры и стремились замѣнить ее конкретностью, они неминуемо

должны были принять определенно областнической характер: при всякой попытке придать русской культуре более конкретно-национальное (?) обличье неизбежно приходилось выбирать одну из индивидуаций русского народа — великорусскую, малорусскую или белорусскую — ибо конкретно существуют великороссы, малороссы и белоруссы, а «общеруссы» являются лишь продуктом абстракции...

Это место в построениях Трубецкого весьма замечательно. И самое замечательное в нем то, что исходя из совершенно ложных предпосылок и пользуясь крайне сбивчивою, маловразумительною и неправильною в самой основе своей терминологией, автор приходит к вполне правильным и даже поразительным по своей проницательности выводам. Нельзя лучше показать, чем это сдѣлала Трубецкой, психологическую неизбежность всего украинского движения. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ показалъ, въ цитированныхъ выше строкахъ, что полнѣйшую его аналогію составляло и великорусское народничество, вообще весь довольно сложный комплексъ явленій и теченій, характеризующій наши сумеречныя десятилѣтія и который можно назвать великорусскимъ «самобытничествомъ» или еще короче — великорусствомъ (составляющимъ полный **pendant** «украинства»). И вмѣстѣ съ тѣмъ Трубецкой правильно указываетъ (хотя называетъ его произвольнымъ, неяснымъ и неправильнымъ именемъ «конкретно-национальнаго») — и источникъ всѣхъ этихъ уклоновъ и движеній: пробужденіе этноса.

Однако въ указанныхъ построенияхъ автора столько неяснаго и запутаннаго, что въ нихъ слѣдуетъ разобраться болѣе подробно... Отмѣчу прежде всего, что утвержденіе — будто конкретно существуютъ великороссы, малороссы и белоруссы, а «общеруссы» являются лишь продуктом абстракции, кореннымъ образомъ противорѣчитъ тому, что авторъ самъ говоритъ двумя страницами выше, гдѣ (Е в р а з. В р е м е н н и к ъ, V, стр. 170) онъ, напротивъ, чрезвычайно рельефно изобразилъ, какъ создавалась, на точкѣ пересѣченія московской и украинской стихій, — и при томъ въ смыслѣ вполне реальнаго, а, значитъ, и вполне конкретнаго, явленія — именно обще-русская культура. Реальность ея явленія принимаемъ всецѣло и мы — хотя и не считаемъ удачнымъ даваемого ей авторомъ названія. Эта «общерусская» культура и есть подлинная наша національная и единственная, въ этомъ своемъ качествѣ, культура. Это основное положеніе поможетъ намъ разяснить и остальные, въ значительной степени искусственныя, построения, къ которымъ автору пришлось прибѣгнуть въ цитированныхъ нами выше строкахъ, столь далекихъ отъ Олимпійской ясности ранѣ приведеннаго лапидарнаго его выраженія о преслѣдованіи

въ національной Россіи — именно во имя ея величія — всего «самобытно-русскаго».

Что такое, въ самомъ дѣлѣ, можетъ означать «отвлеченность» какой-либо культуры — въ противоположность ея же «конкретности»? И что такое есть «конкретно-національное» — въ противоположность, очевидно, «абстрактно-національному»? Мы не сомнѣваемся, что послѣднее именно и есть то, что мы называемъ національнымъ. Но Трубецкой разумѣть въ разныхъ мѣстахъ подъ этимъ терминомъ разное, отчего существенно проигрываетъ его во многихъ отношеніяхъ замѣчательная работа. Впрочемъ, мы готовы согласиться съ тѣмъ, что въ извѣстномъ смыслѣ «нація» дѣйствительно является продуктомъ абстракціи, т. е. нація вообще, нація, какъ таковая. Однако это нисколько не мѣшаетъ отдѣльнымъ конкретнымъ націямъ быть реальнѣйшимъ и въ этой своей реальности конкретнѣйшимъ явленіемъ жизни... Во всякомъ случаѣ, концепція націи, понятой именно въ смыслѣ чего-то духовнаго, физически неосязаемаго и физически не связаннаго, не-почвеннаго, даже безпочвеннаго (въ смыслѣ отрѣшенности отъ этноса), именно и служитъ путеводною звѣздой, въ свѣтѣ которой мгновенно преобразуются—вмѣстѣ съ тѣмъ разъясняются—затронутые въ вышеприведенной выпискѣ вопросы. То, въ чемъ авторъ видитъ «конкретность», «конкретно-національное» (а также «индивидуаціи» русскаго народа) — все это вовсе не есть «національное». Все это есть именно то, что мы называемъ «этническимъ» и что не только не сродни націи, не только не входитъ въ одну съ нею категорію, но составляетъ ея противоположность и находится съ нею въ отношеніи взаимнаго отрицанія и борьбы.

Поэтому-то, возвращаясь назадъ, намъ трудно согласиться съ авторомъ, видящимъ въ русской національной культурѣ созданіе и великорусовъ и украинцевъ. Создатели ея были, безспорно, людьми весьма различнаго этническаго происхожденія — немало было въ ихъ числѣ и иноземцевъ. Но строя національную русскую культуру — и являясь одновременно ея произведеніемъ — они не были ни великорусами, ни украинцами, ни иноземцами. Они всѣ были россиянами, т. е. именно вслѣдствіе участія своего въ творческомъ національномъ процессѣ они всѣ были одинаково законными дѣтьми Россійской націи — пусть каждый изъ нихъ вносилъ въ это общее творчество и особенности не только своей личности, но и вскормившаго его «мѣсто-развитія».

И именно поэтому — въ данномъ отношеніи Трубецкой сугубо правъ — теченія въ пользу «конкретно-національной русской культуры», т. е. борьба этнизма съ Россійской націей, протекала параллельно въ двухъ руслахъ: великорусскомъ и малорусскомъ. Въ pendant къ украинскому на-

родничеству и самостійству, существовали, какъ я уже отмѣтилъ, вполнѣ аналогичныя теченія и на Сѣверѣ, направленные, въ конечныхъ своихъ устремленіяхъ, также къ разрушенію націи. Здѣсь рѣчь идетъ отнюдь не только о весьма значительной части русской литературы, принявшей въ сумеречныя десятилѣтія «народный» уклонъ. Сюда относилась и всякая вообще «истинно-русская» идеологія, весь «націонализмъ» думской эпохи, вообще вся славянофильская реакція сумеречныхъ десятилѣтій. И эти всеобщіе оживленіе и распространеніе этническихъ теченій могли имѣть и дѣйствительно имѣли только одинъ актуальный смыслъ: разрушеніе націи, къ которому они въ концѣ концовъ и привели.

11.

Пренебреженіе къ конструкціи націи, какъ чисто духовнаго соединенія, субстанціально противоположнаго этническимъ аггломератамъ, основаннымъ на фізіологическихъ признакахъ, служитъ источникомъ нѣкоторой темноты весьма многихъ построеній кн. Трубецкого. Сюда особенно относятся его разсужденія о верхнемъ и нижнемъ «этажахъ» культуры.

«Каждая культура, говоритъ кн. Трубецкой, должна имѣть двѣ стороны: одну — обращенную къ конкретному народному этническому фундаменту, другую — обращенную къ вершинамъ духовной и умственной жизни. Для прочности и здоровья культуры необходимо, во первыхъ, чтобы между этими двумя сторонами существовала органическая связь, а, во вторыхъ, чтобы каждая изъ этихъ сторонъ дѣйствительно отвѣчала своему назначенію, т. е. чтобы сторона, обращенная къ народнымъ корнямъ, соотвѣтствовала индивидуальнымъ чертамъ даннаго конкретнаго этнографическаго фундамента, а сторона, обращенная къ духовнымъ вершинамъ, по своему развитію соотвѣтствовала духовнымъ потребностямъ избранныхъ, выдающихся представителей націи».

Прежде всего! Не знаменательно ли, что авторъ, противопоставляя другъ другу двѣ «стороны» культуры, противопоставляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ слово «нація» (мало имъ любимое) выраженію «этнографическій фундаментъ»? Отсюда уже видно, что наша антиномія этнось — нація предносится и его мысленному взору и что даже нашъ терминъ этнось не такъ далекъ отъ его сознанія. Онъ какъ-бы предчувствуетъ его, т. е. предчувствуетъ, что именно между полюсами націи и этноса и располагается весь комплексъ затронутыхъ имъ вопросовъ, что именно между двумя этими полюсами разыгрывается, выражаясь фигурально, вся драма жизни народовъ.

И все-же центральное положеніе автора — влекущее за собою цѣлый рядъ послѣдствій, положеніе о двухъ «сторонахъ» культуры — кажется основаннымъ на недоразумѣніи. Изъ предъидущаго отчасти уже видно, какого рода это недоразумѣніе. Кн. Трубецкой, какъ кажется, смѣшиваетъ, объединяя ихъ однимъ понятіемъ культуры, два совершенно разнородныхъ порядка явленій и факторовъ, а именно порядокъ этническаго быта съ порядкомъ національной культуры. Авторъ считаетъ ихъ двумя «сторонами» или двумя «этажами» называемой имъ единой культуры. Съ тѣмъ, что культура должна быть единою, т. е. что она едина по самому своему существу, — соглашаемся вполне и мы. Но именно поэтому-то мы и видимъ полную невозможность согласовать то, что Трубецкой называетъ двумя «этажами» культуры. По нашему мнѣнію, между этими «этажами» всегда неизбѣженъ полный разрывъ. И культура, т. е. то, что Трубецкой называетъ ея верхнимъ этажемъ и что въ нашемъ смыслѣ единственно и является національною культурою, не была-бы ею, — если-бы стремилась опереться на «народный фундаментъ», т. е. согласоваться съ излученіями этническаго быта.

Этими словами мы отнюдь не хотимъ сказать, что въ послѣднемъ абсолютно не было-бы никакихъ элементовъ культуры. Дѣло въ томъ, что во всякомъ этническомъ бытѣ существуютъ наслоенія двухъ различныхъ порядковъ. Такъ въ немъ всегда есть элементы, внесенные изъ «верхняго этажа» культуры, т. е. элементы заимствованные. И даже многое изъ того, что намъ нынѣ порою кажется въ этническомъ бытѣ вполне оригинальнымъ, т. е. несомнѣнной «самобытностью» и «первобытностью», является очень часто лишь продуктомъ разложенія (или «претворенія»), вообще дальнимъ отзвукомъ хорошо забытой, и при томъ чуждой, утонченности. Сюда относятся весь такъ называемый «народный» эпосъ (и лирика), народныя сказки, вообще весь міръ народнаго искусства, включительно до музыки и мотивовъ орнамента, также костюма, архитектуры, утвари, народной кухни, многихъ народныхъ обычаевъ, правовыхъ и иныхъ воззрѣній и т. п.*). «Народнымъ» является

*) Фактъ всеобщей миграціи сказокъ, миѳовъ, героевъ древней саги и ихъ дѣяній, вообще всего литературнаго наслѣдія народовъ (вплоть до пословиць) — общеизвѣстенъ. Несомнѣнно также, что весь героическій эпосъ, начиная съ гомерическихъ поэмъ и кончая нашими былинами, — иноземнаго по своему источнику и индивидуальнаго по своему выполнению происхожденія. Этотъ эпосъ возникаетъ обыкновенно въ придворной средѣ — такъ было и съ нашими былинами, основные элементы которыхъ были, вѣроятно, привезены дружиною кievскихъ князей изъ Скандинавіи. Но и Скандинавія, оказавшая огромное вліяніе на древній обиходъ русской народной жизни, отчасти

въ этомъ смыслѣ то, что успѣло уже утратить метрическое свидѣтельство о своемъ дѣйствительномъ происхожденіи... Но, наряду съ этими заимствованными элементами, этнической бытъ заключаетъ въ себѣ, несомнѣнно, и нѣчто иное. Однако именно это обиліе заимствованныхъ богатствъ «нижняго этажа» и «національный», т. е. внѣ-этнической, источникъ всѣхъ этихъ богатствъ и показываютъ, что самъ по себѣ этотъ «нижній этажъ» не имѣетъ культуру-творящей силы. Въ этомъ-то отсутствіи творческой силы и проявляется то «нѣчто иное», въ этническомъ бытѣ заключенное, о которомъ мы только что упомянули. Оно-то и дѣлаетъ его безличнымъ, не-экономичнымъ — несмотря на всю кажущуюся его «колоритность». Этнической бытъ внѣ-націоналенъ и до-націоналенъ. Этотъ старческо-младенческой бытъ приблизительно одинаковъ на всѣхъ широтахъ, т. е. одинаково содержаніе, одинакова «душа» примитивнаго звѣроловнаго, пастушескаго, земледѣльческаго и ремесленнаго быта. И вотъ эта-то сила примитивности и инертности и превращаетъ весь этнической бытъ въ ветхое зданіе съ пусть «историческою», унаслѣдованною отъ давнихъ національныхъ культуръ, мебелью, но мебелью часто поломанною, исковерканною и не отвѣчающею своему назначенію. Этотъ бытъ, этотъ покосившійся «нижній этажъ», — настолько проникнуть этносомъ, настолько пропитанъ его испареніями, настолько служить его проявленіемъ, что онъ лишь съ очень большою натяжкой можетъ быть названъ культурою (хотя и заключаетъ въ себѣ цѣнности, или, лучше сказать, «имущество» — культурнаго происхожденія). Отъ культуры у этого быта — лишь внѣшняя оболочка и «видимость». Въ дѣйствительности-же его культура есть нѣчто уже выдохшееся и разложившееся. И потому это такъ, что онъ по существу антиномиченъ культурѣ, т. е. культурѣ творческой, культурѣ крупныхъ культурныхъ цикловъ. Только послѣдняя несетъ въ себѣ существеннѣйшій признакъ культуры: только она функциональна. Этнической-же бытъ, какъ и вообще все этническое, есть всегда нѣчто лишенное такта и направленія, нѣчто «суммарное». Поэтому въ «согласіи» культуры (также

и доселѣ сохранившійся (въ частности, и въ области костюма, особенно въ Малороссіи) была не изобрѣтательницей, а лишь хранилищемъ излучавшагося изъ нея культурнаго наслѣдія. Такъ недавно обнаружено, напр., что одинъ народный орнаментъ, всегда считавшійся «типически скандинавскимъ», представляетъ собою не что иное, какъ вавилонскую фабричную марку (извѣстно, что древній Вавилонъ находился въ оживленныхъ сношеніяхъ со Скандинавіей). То же и въ области музыки. Такъ мотивы и весь характеръ современныхъ украинскихъ пѣсенъ — дѣло, главнымъ образомъ, кievскихъ бурсаковъ, увлекавшихся итальянской музыкой и распространившихъ ея характерныя особенности и въ народѣ (при поѣздкахъ лѣтомъ на «кондиціи»).

и націи) съ этническимъ бытомъ уже заключенъ ея отказъ отъ самой себя, т. е. ея увяданіе и смерть...

Нація только и живетъ — въ ея, говоря словами кн. Трубецкого, «избранныхъ, выдающихся представителей». Если мы и говоримъ, что нація строится, въ извѣстномъ смыслѣ, на «народномъ фундаментѣ», т. е. на основѣ этноса, то надо точно условиться, какъ понимать это и ему подобныя выраженія. Націю и культуру можно построить, строго говоря, не «на основѣ» этноса, а лишь противъ него, т. е. преодолѣвъ его — подобно тому какъ прививка дичка, напр., прививка яблони на осинѣ, «преодолеваетъ», т. е. уничтожаетъ, ея природныя свойства. Другими словами, націю можно построить на основѣ этноса, т. е. претворивъ его въ націю — лишь цѣною полного его отказа отъ самого себя. Оставаясь-же самимъ собою, этнось можетъ только бороться съ націей (какъ и нація съ этносомъ). Нація есть творчество, а этнось всегда несетъ его въ себѣ самомъ. Этнось есть осязаемость и ощущеніе, а нація есть этнось, т. е. вѣяніе и настроеніе, что даже — невидимость. Она есть духовное соединеніе, а не кровное родство — поэтому-то она не знаетъ родины: она знаетъ только отечество. И вмѣстѣ съ тѣмъ нація есть всегда устроеніе, т. е. космосъ — въ то время какъ этнось есть хаосъ. Въ отсутствіи духа, пневмы древнихъ, и заключено существо этноса. Но вмѣстѣ съ тѣмъ космосъ націи можетъ воплощаться въ этнось, побѣждая его хаосъ...

12.

Такъ создались, путемъ побѣды націи надъ этносомъ, путемъ отказа этноса отъ самого себя, — всѣ великія націи и всѣ великія культуры древности и современности: Вавилонъ, Египетъ, Персія, міръ эллинизма, Римъ, нація ислама, Франція, Испанія, Англія и др. Не иначе создались и Россійская нація и ея культура. Поэтому-то «человѣкъ изъ народа», какъ справедливо замѣчаетъ Трубецкой, могъ у насъ пріобщиться къ культурѣ (и добавимъ: къ націи) — только обезличившись (т. е. обезличившись этнически), «подавивъ въ себѣ и утративъ нѣкоторые существенные именно для «народа» черты». Трубецкой упрекаетъ русскую національную культуру («верхній этажъ») за это несомнѣнно ей присущее свойство дезэтнизаціи. Между тѣмъ всегда это бывало и бываетъ именно такъ и иначе и не можетъ быть. Въ этомъ этническомъ обезличеніи, въ этой «дезэтнизаціи» и заключается тайна рожденія націи. И то, что авторъ называетъ обезличеніемъ, на самомъ дѣлѣ именно и есть полученіе личности, полученіе національнаго лица. Ибо этнось не имѣетъ лица, а нація, напротивъ, имѣетъ его...

И вотъ что еще замѣчательно. Протестуя противъ утраты «нѣкоторыхъ существенныхъ для народа чертъ», Тру-

бецкой имѣеть, очевидно, въ виду какого-нибудь калужанина, рязанца или волжанина, т. е. представителей великорусскаго этноса. Спрашивается: былъ-ли бы авторъ столь же суровъ въ своемъ приговорѣ, — если-бы дѣло шло въ данномъ случаѣ объ юкагирскомъ или якутскомъ этносе? Думается, что нѣтъ. И выходитъ, что мы въ данномъ пунктѣ являемся едва-ли не болѣе послѣдовательными, чѣмъ Трубецкой, «евразійцами». Наши сужденія одинаково охватываютъ, въ данномъ построеніи, всякій этносъ, всякое племя, т. е. всякій этносъ, какъ таковой. Мы одинаково включаемъ — и при томъ безъ малѣйшаго протеста — въ національный процессъ отказа отъ этноса представителей всѣхъ этническихъ элементовъ «Россіи-Евразіи» (а по нашему: Имперіи) — не дѣлая ни малѣйшаго качественного различія между ними. Совершенно ясно, что представители, напр., зырянскаго, самоѣдскаго, или, скажемъ, юкагирскаго этноса могли войти въ Россійскую націю и приобщиться къ національной культурѣ Имперіи — лишь цѣною отказа отъ нѣкоторыхъ своихъ «существенныхъ» этническихъ чертъ. Но съ точки зрѣнія націи эти сѣверные инородцы суть такіе-же представители этноса — не болѣе и не менѣе — какъ и представители этноса калужскаго, рязанскаго или приволжскаго. Все этническое для націи равноцѣнно, т. е., въ конечномъ итогѣ, малоцѣнно. И именно потому, что нація начинается лишь по отказѣ отъ этноса. Нація есть побѣда атмосферы надъ почвою, и въ этомъ отношеніи нѣтъ разницы между почвою якутскою и рязанскою. И отказъ отъ «существенныхъ» этническихъ чертъ, т. е. сдвигъ и преобразованіе, происходящее при приобщеніи къ національной культурѣ, не менѣе велики, не менѣе полны и безповоротны въ тулякѣ или волжанинѣ — и такъ оно и должно быть — чѣмъ въ иноязычныхъ этническихъ элементахъ Россіи...*)

*) Значеніе языка, или, точнѣе, народныхъ говоровъ, какъ существенной черты отличія инородцевъ отъ «русскихъ», т. е. говорящихъ на русскихъ говорахъ, этническихъ элементовъ, иногда сильно преувеличивается. Есть неговорящіе по русски инородцы, общій этнический комплексъ которыхъ тѣмъ не менѣе весьма близокъ къ русскому этническому комплексу чертъ, даже почти сливается съ нимъ. И есть немало этническихъ элементовъ русскихъ говоровъ (сюда относится, напр., Поморскій Сѣверъ, Казачій Югъ и нѣкоторыя группы населенія даже въ центрѣ), органически чуждыхъ русскому этническому комплексу... Что касается затронутаго въ текстѣ вопроса объ аналогичности, при приобщеніи къ націи, отказа отъ этноса со стороны великоросса и, напр., зыряннина, то вопросъ этотъ въ отношеніи нѣкоторыхъ группъ населенія Имперіи осложняется тѣмъ, что группы эти — не всѣ чисто этническія, т. е. заключаютъ въ себѣ отчасти и то, что мы на-

Нечего уже говорить о томъ, что у насъ въ сумеречныя десятилѣтія происходилъ на самомъ дѣлѣ какъ разъ обратный намѣченному Трубецкимъ процессъ. Происходилъ не отказъ отъ этническихъ чертъ во имя пріобщенія къ націи и національной культурѣ. Происходили, напротивъ, и при томъ въ чрезвычайно широкомъ масштабѣ, отказъ отъ націи и возвращеніе къ этническимъ типамъ (во всѣхъ смыслахъ). Нація стала проростать этносомъ и заразилась цѣлымъ рядомъ «существенныхъ для народа чертъ». Это и означало ея разложение, проводникомъ котораго и явился большевизмъ.

13.

Что положенія кн. Трубецкого въ данной области нѣсколько произвольны, — видно особенно ясно по вытекающимъ изъ нихъ выводамъ. И хотя Дорошенко, критикуя ихъ, слишкомъ уходитъ въ частности и не всегда въ нихъ правъ, мы все-же не можемъ не признать его критики, въ общемъ, справедливою. Придавая этническому быту культурныя функции, культурную цѣнность (отвергаемая нами), Трубецкой допускаетъ — со своей точки зрѣнія вполне послѣдовательно — полноправіе нижняго этажа украинской культуры, въ которомъ видитъ «украинскую индивидуацию общерусской культуры», и вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаетъ такое полноправіе за «верхнимъ этажемъ» украинской культуры. И хотя намъ трудно всецѣло принять аргументы, которыми Дорошенко опровергаетъ все данное, несомнѣнно, въ высшей степени искусственное построеніе, мы все-же не можемъ съ нимъ не согласиться — когда онъ говоритъ, что культура не можетъ быть «многоэтажной и разноликой храминой», т. е. что она по самому своему существу едина. Одноликость, фізіономія, единый стиль — суть, конечно, необходимѣйшія и существеннѣйшія черты любой культуры.

Прежде, чѣмъ перейти къ дальнѣйшему разбору «двухъ-этажной» постройки кн. Трубецкого, мы считаемъ необходимымъ, во избѣжаніе нѣкотораго возможнаго недоразумѣнія, дополнительно пояснить нашу основную мысль о субстанціальной противоположности этническаго и національнаго порядковъ и вѣчной войны между ними. Относя культуру всецѣло ко второму изъ этихъ двухъ порядковъ, мы полагаемъ, что уподобленіе ихъ двумъ «этажамъ» самымъ существеннымъ образомъ искажаетъ природу ихъ взаимныхъ отношеній, ибо оба эти порядка составляютъ не части одного и того-же зданія, а два совершенно различныхъ міра, другъ съ другомъ несоизмѣримыхъ и настолько-же отличныхъ другъ отъ друга, насколько почва зывается національностью (см. ниже гл. 15). Таковы, напр., Казанскіе и Сибирскіе татары (переживаніе «націи ислама»), отчасти буряты, не говоря уже о многихъ кавказскихъ народцахъ.

отлична отъ атмосферы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это искажающее природу ихъ взаимныхъ отношеній уподобленіе двумъ этажамъ — нижнему и верхнему — опасно и въ томъ отношеніи, что невольно заставляетъ мыслить въ первомъ — простонародные низы, а во второмъ — аристократическіе верхи націи. Между тѣмъ понять такимъ образомъ, т. е. въ планѣ классовыхъ противоположеній, наше противоположеніе этность — нація — было-бы уже само по себѣ крупнымъ искаженіемъ заключенной въ данномъ нашемъ построеніи мысли. И если національнымъ по преимуществу классомъ неизбѣжно является высшій просвѣщенный и правительственный классъ націи, несущій ея идею и ея чувство въ самомъ себѣ и въ самой судьбѣ своей (т. е. когда онъ самъ здоровъ и жизнеспособенъ), то все-же эта національная функція просвѣщеннаго и правящаго класса никоимъ образомъ не означаетъ отождествленія націи и этноса съ какими-либо отдѣльными классами или слоями общества и не оправдываетъ классовой характеристики противоположаемыхъ порядковъ. Этность не есть по существу простонародье, а нація не есть правящій слой. Нація есть, повторимъ еще разъ, нѣчто духовное, несовпадающее ни съ какимъ классомъ и такъ сказать витающее надъ всѣми классами и именно этимъ «витаніемъ», т. е. создаваемою имъ атмосферою, и соединяющее ихъ...

Точно также не есть классъ и этность. Этность есть нѣчто почвенное, первобытно-физиологическое, заключенное во всѣхъ классахъ. Этность есть не только въ послѣднемъ, неотесанномъ дикарѣ изъ простонародья, но и въ людяхъ, сросшихся поколѣніями съ давней національной культурой. Каждый изъ насъ, совершенно независимо своей принадлежности къ тому или другому классу и своего происхожденія изъ той или иной общественной или племенной среды, является одновременно представителемъ и націи и этноса. Другими словами, нація борется съ этносомъ не только въ порядкѣ государственнаго и культурнаго строительства, не только въ обработкѣ низшихъ классовъ высшими, какъ національными по преимуществу, но и въ каждомъ изъ насъ въ отдѣльности, т. е. въ психологіи и ментальности каждаго изъ насъ. Весь вопросъ къ тому и сводится, что преобладаетъ въ любомъ изъ насъ: нація или этность? И на самомъ дѣлѣ: въ каждомъ изъ насъ то побѣждаетъ нація, то, при ея ослабленіи, одолеваетъ этническія струи. Въ эпохи усиленнаго національнаго творчества, послѣднее, исходя изъ верховъ націи, дѣйствуетъ настолько интенсивно, что заражаетъ порою своимъ дѣйствіемъ обширныя массы населенія. Такъ было у насъ въ вѣкъ Екатерины и Александро-Николаевскихъ поколѣній. Наоборотъ, въ эпохи національнаго упадка, идущія изъ этнической глубины, теченія начинаютъ постепенно подмывать всѣ устои націи и просачиваются, заражая ихъ этническими испареніями, и въ націо-

нальные верхи, т. е. въ то, что ранѣе было ими. Побѣда этноса въ томъ, въ сущности, и заключается, что верхи перестаютъ быть національными и проростають этносомъ, т. е. перестаютъ быть верхами. Это и произошло — самыми многообразными путями — съ русскими верхами въ сумеречныя десятилѣтія.

Возвращаясь къ построеніямъ Трубецкого, отмѣтимъ, что онъ приходитъ къ заключенію о приматѣ «общерусской» культуры, о признаніи за нею болѣе или менѣе исключительно функціи «верхняго этажа» — на основаніи качественной ея оцѣнки. Но всякимъ оцѣнкамъ этого рода всегда присуща извѣстная субъективность, вслѣдствіе чего, будучи убѣдительными для однихъ, онѣ рискуютъ быть малоубѣдительными для другихъ. Вдобавокъ, подобный рационалистическій подходъ едва-ли является въ данномъ случаѣ уместнымъ. Данная проблема можетъ разрѣшиться не тѣми или иными кабинетными оцѣнками, но самою жизнью, которая большею частью не руководится рационалистическими соображеніями. Но тутъ-то и выступаетъ снова, во всей своей актуальности, вопросъ: какъ разрѣшаетъ, какъ вообще можетъ разрѣшить подобныя проблемы жизнь? И достаточно поставить этотъ вопросъ, чтобы увидать, что разрѣшеніе данной проблемы, намѣчаемое кн. Трубецкимъ, не будетъ принято жизнью.

Начать съ того, что совершенно неяснымъ представляется, кто явится субъектомъ — и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ сказать «бенефициантомъ» — закладываемаго почтеннымъ авторомъ украинскаго варианта русской культуры «нижняго этажа». Ибо, если разумѣть подъ этимъ «этажемъ» этнической бытъ — а что-же иное можно разумѣть подъ этимъ? — то этотъ бытъ далеко не является, на пространствѣ территоріи, относимой нынѣ къ Украинѣ, какого-либо органическаго единства. Этнической бытъ Волыни, Подолья, Херсонщины, Кіевщины, Полтавщины, Черниговщины, Слободской Украины, Кубанской области и Курско-Воронежскаго края (не говоря уже о Галиціи и Карпатской Руси) представляетъ собою во многомъ отличные другъ отъ друга комплексы. Въ томъ — то и дѣло, что всѣ эти области объединяетъ, въ конечномъ итогѣ, не этнической факторъ, а факторъ національный, т. е. тотъ же самый факторъ, который объединяетъ каждую изъ этихъ областей въ отдѣльности и всѣ ихъ вмѣстѣ — и съ остальнымъ русскимъ міромъ... Такъ прежде всего и въ области языка: всѣ перечисленныя выше территоріи вовсе не представляютъ собою области съ какимъ-либо однимъ общимъ «украинскимъ» говоромъ; онѣ заключаютъ въ себѣ, напротивъ, много отдѣльныхъ народныхъ говоровъ. И если всѣ эти говоры значительно отличаются отъ говоровъ съ-

верныхъ — Сѣверъ всегда отличается отъ Юга — то и на Сѣверѣ также нѣтъ единого народнаго говора, т. е. этихъ говоровъ довольно много. Отсюда видно, что если уже дѣйствительно отправляться отъ этноса, т. е. признать за нимъ право «культурнаго самоопредѣленія», то придется, чтобы быть вполне послѣдовательнымъ, создавать не два варианта нижняго этажа русской культуры — украинскій и великорусскій — а цѣлый рядъ такихъ вариантовъ — и на Югѣ и на Сѣверѣ — соотвѣтственно числу отдѣльныхъ типовъ этническаго быта. Не говорю уже о томъ, что различія этихъ типовъ проявляются еще сильнѣе въ другихъ явленіяхъ, чѣмъ въ народныхъ говорахъ отдѣльныхъ мѣстностей. Съ этой точки зрѣнія можно было-бы оправдать постройку «московскаго» (въ тѣсномъ смыслѣ), вологодско-архангельскаго, приволжскаго, уральскаго, сибирскаго и иныхъ вариантовъ «нижняго этажа» русской культуры. И надо правду сказать: чисто психологически — отрывъ сибирскаго, напр., этноса отъ центрально-русскихъ, конечно, глубже и полнѣе, чѣмъ отрывъ отъ нихъ этноса областей украинскихъ...

Но даже если признать рѣшающимъ признакомъ различіе народныхъ говоровъ, то вопросъ осложняется еще и тѣмъ, что наши городскіе говоры существенно отличны — особенно на Украинѣ — отъ деревенскихъ. Въ дѣйствительности городской говоръ Украины уже давно находился подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ — разумѣется, не великорусскихъ народныхъ говоровъ — но русскаго литературнаго языка. Такой-же городской говоръ образовался и на Сѣверѣ. Но — что особенно замѣчательно — одновременно происходилъ и процессъ взаимнаго приспособленія и приближенія другъ къ другу обоихъ городскихъ говоровъ: сѣвернаго и южнаго.

Только что указанныя симптоматическія явленія крайне интересны сами по себѣ. Но значеніе ихъ еще увеличивается потому, что они входили составною частью въ еще болѣе общій, въ еще болѣе широкой процессъ. Въ русскомъ мірѣ успѣло образоваться за послѣдніе полвѣка, подъ державной сѣнью Россійской націи, то, чего не было ни въ одномъ изъ остальныхъ крупныхъ національныхъ міровъ Европы. Въ то время какъ въ Германіи померанецъ съ большимъ лишь трудомъ понимаетъ шваба или баварца, въ то время какъ во Франціи нормандецъ плохо понимаетъ провансальца, а въ Италіи калабриецъ или сицилиецъ вовсе не понимаетъ ломбардійца или пьемонтанца (еще хуже — въ Испаніи), — русскій проостолюдинъ можетъ пройти отъ Владивостока до Карпатъ и вездѣ онъ будетъ безъ труда понять и самъ всякаго пойметъ. Объясняется это тѣмъ, что у насъ успѣло образоваться около литературнаго, въ тѣсномъ смыслѣ слова, языка и языка образованныхъ классовъ и подъ не-

посредственнымъ ихъ вліяніемъ — нѣчто въ родѣ *linguae vulgatae* на которой говорило простонародье Римскаго міра или нѣчто въ родѣ *κοινῆ*, распространившейя повсемѣстно по всему Востоку въ эпоху діадочовъ. Подобною-же *lingua vulgata* или *κοινῆ* и пользуется говорящій дома на своемъ провинціальномъ говорѣ или *patois* русскій простолюдинъ — когда онъ переступаетъ границу своей губерніи. И эту-то русскую *linguam vulgata m*, народную эманацию языка образованныхъ классовъ, и понимаютъ у насъ повсемѣстно.

Значеніе языка, какъ фактора культуры, нерѣдко преувеличиваютъ. Отсюда возникаютъ, напр., требованія, чтобы каждой національной культурѣ, каждому національному міру соотвѣтствовалъ какой-либо опредѣленный, «національный», языкъ. Такъ Швейцарія имѣетъ три національныхъ языка (не считая романдскаго): французскій, нѣмецкій и итальянскій. Во первыхъ, двѣ различныя націи могутъ имѣть одинъ и тотъ-же языкъ. Такъ области распространенія англійскаго языка распадаются на два обособленныхъ національныхъ міра: британскій и американскій. Французскій языкъ является національнымъ не только во Франціи, но и въ Бельгіи (также и въ Швейцаріи). Съ другой стороны есть и двуязычныя и даже многоязычныя націи. Такъ-то многіе изъ насъ невольно мыслятъ по трафарету: сколько національныхъ культуръ — столько и языковъ. Однако, это требованіе одноязычности національной культуры прямо противорѣчитъ фактамъ. Такъ и въ Римскомъ мірѣ было два вполне равноправныхъ національныхъ языка: латинскій и эллинскій. Двуязычными являются до нынѣ многія страны Востока, пользующіяся, наряду съ туземнымъ, и обще-мусульманскимъ арабскимъ языкомъ. Такъ и въ средневѣковой Флоренціи было три языка: провансальскій, итальянскій и французскій (не считая латинскаго, бывшаго повсемѣстно распространеннымъ въ Европѣ, среди образованнаго общества, вплоть до XVIII вѣка). Яркій примѣръ многоязычности національныхъ культуръ Европы представляетъ и старая Испанія, гдѣ одинъ и тотъ-же писатель писалъ, смотря по сюжету, по кастильски или по арагонски.

Не трудно однако замѣтить, что языкъ, въ смыслѣ ассоціаціи національной культуры съ однимъ опредѣленнымъ языкомъ, имѣлъ всегда особое значеніе въ русскомъ мірѣ. Поэтому не безъ основанія называетъ В. Вилинскій русскій литературный языкъ языкомъ русской культуры. Этотъ языкъ всегда былъ однимъ изъ крупнѣйшихъ націообразующихъ факторовъ Россіи, и это лишній разъ подтверждается огромной силою его творческаго излученія, его такъ сказать «радіоактивности» обнаруженной образованіемъ нашей *linguae vulgatae*. Этотъ вульгарный сколокъ русскаго литературнаго языка оказывалъ замѣтное и съ

каждымъ годомъ усиливавшееся вліяніе и на деревенскіе говоры, не исключая украинскіхъ. Его крупная роль въ интегрирующемъ національномъ процессѣ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Фактъ универсальности не только русскаго литературнаго языка, но и его простонароднаго отраженія есть центральный фактъ нашей судьбы, и крупныя послѣдствія этого факта будутъ сказываться и дальше, — несмотря на огромныя разрушенія Революціи. Во всякомъ случаѣ, фактъ русской *lingua vulgata* показываетъ, какъ рѣшала данный вопросъ сама жизнь. Ея «эволюція» — и не только въ области языка — шла въ сторону никакъ не увеличенія, а скорѣе уменьшенія числа «вариантовъ» нижняго этажа русской культуры...

Это, разумѣется, еще не значитъ, что жизнь, въ концѣ концовъ, не могла-бы разрѣшить данный вопросъ и совершенно иначе. Но трудно допустить, чтобы и это, иное, разрѣшеніе данной проблемы могло пойти по предуказанному кн. Трубецкимъ пути. Этими словами мы хотимъ сказать, что почтенный авторъ, какъ намъ кажется, одинаково заблуждается — и тогда, когда онъ допускаетъ возможность украинскаго варианта нижняго этажа общерусской культуры, и тогда, когда онъ отвергаетъ (или полуотвергаетъ) возможность такого варианта ея верхняго этажа (что съ нашей точки зрѣнія, признающей культурою только этотъ верхній этажъ, является вообще отрицаніемъ возможности самостоятельной украинской культуры).

Авторъ намѣренно устраняетъ изъ своего изслѣдованія все «политическое». Это и сообщило ему характеръ труда, совершеннаго *sine ira et studio*, характеръ, составляющій, несомнѣнно, большое его достоинство. Но дѣло въ томъ, что культура есть нѣчто національное по преимуществу. А все національное трудно отдѣлимо отъ политическаго. Такъ и та «общерусская» культура, которую столь справедливо возвеличиваетъ авторъ, обязана своимъ бытіемъ прежде всего политическому фактору: возникновенію государственности большого стиля, сильной государственности Имперіи. И эта-же государственность, а отнюдь не высокая качественность этой культуры — опредѣлила и ея «величіе». Лучше сказать, и самая высокая качественность явилась результатомъ той-же государственности, той-же рожденной ею «націи», которыя обусловили осуществленіе таившихся въ данныхъ «мѣсторазвитіяхъ» возможностей.

Современная проблематика украинскаго «мѣсторазвитія» требуетъ, какъ намъ кажется, введенія въ кругъ нашихъ построеній понятія *національності*.

Я называю «національністю» неполную націю, т. е. націю, уже не имѣющую или еще не имѣющую полноты

національного бытія. Національністю являється, въ этомъ смыслѣ, нація въ возможности, а въ порядкѣ, эмпирическомъ — нація, не имѣющая собственной государственности. Национальность есть приближеніе къ націи, и поэтому-то она обычно оказывается стадіей, въ которую попадаютъ бывшія или будущія націи.

Национальность есть, во первыхъ, нація въ прошломъ. Она есть, въ этомъ смыслѣ, конецъ націи. Она есть ея остатокъ, ея пережитокъ и знаменуетъ, что нація уже находится въ процессѣ превращенія въ этносъ, что она находится, во всякомъ случаѣ, подъ угрозой такого превращенія... И хотя самъ процессъ этотъ совершается порою крайне медленно, национальность, съ этой точки зрѣнія, не живетъ настоящимъ. У нея «все въ прошломъ»... Но, будучи проэкціей въ прошлое, она является въ тоже время и проэкціей въ будущее. Будучи концомъ націи, она можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и ея началомъ. Будучи по существу «приближеніемъ» къ націи, она можетъ оказаться, въ историческомъ порядкѣ, и ея пробужденіемъ. Поэтому-то национальность можно опредѣлить и какъ — будущую націю.

Такимъ образомъ всякая национальность является либо продуктомъ распада, либо путемъ образованія націи, часто — одновременно и тѣмъ и другимъ... Иногда нація превращается въ национальность какъ-бы автоматически, *rigement et simplement*. Это произошло, напр., съ сербами, болгарами и греками по завоеваніи турками территорій сербскаго, болгарскаго и «ромейскаго» (византійскаго) царствъ и разрушеніи ихъ функций: старо-сербской, древне-болгарской и «ромейской» націй. Но национальность, будучи всегда продуктомъ распада какой-либо существующей націи, можетъ порою быть, въ нѣкоторомъ смыслѣ, и новообразованіемъ. Такъ въ положеніи «национальностей» (но еще не «націй») оказались, поскольку онѣ не были чисто этническими аггломератами, отдѣльныя территоріи и отдѣльныя группы населенія Римскаго міра по разрушеніи націи Римской Имперіи. Такъ и распадъ возглавляемой Габсбургскимъ домомъ «Священной Римской имперіи германскаго народа», начавшійся уже за нѣсколько вѣковъ до 1815 года, когда къ этому распаду былъ приставленъ такъ сказать официальный штемпель, повелѣ къ образованію многихъ отдѣльныхъ национальностей, изъ которыхъ нѣкоторыя обратились впоследствии, по мѣрѣ роста ихъ государственныхностей, въ настоящія «націи» (Пруссія, Австрія, Саксонія, Баварія). Вмѣстѣ съ тѣмъ и націи Голландіи и Швейцаріи, прошедшія также черезъ стадію «национальности», образовались равнымъ образомъ въ качествѣ продукта распада Имперіи и даже прямой борьбы съ Габсбургскимъ домомъ.

Для того, чтобы нація, заложенная въ потенциалѣ во всякой национальности, могла дѣйствительно возникнуть,

требуется наличие нѣкоторыхъ условій. Какъ не трудно догадаться по всему предшествующему, однимъ изъ наиболѣе существенныхъ условій рожденія націи является образованіе сильной и здоровой государственности. Въ этомъ смыслѣ мы и назвали выше націю функцией государственности.

Это еще не значить, что безъ государственности бытіе націи является безусловно невозможнымъ. Такъ, «магическая» нація ислама продолжала существовать до самаго послѣдняго времени и въ тѣхъ своихъ частяхъ, которыя давно уже утратили собственную государственность. Такъ и сродная ей по тому-же признаку магизма нація іудейства, никогда, строго говоря, не имѣвшая государственности въ обычномъ смыслѣ этого слова, сохраняла втеченіе очень долгаго времени и сохраняетъ отчасти и доселѣ свое національное бытіе въ нѣкоторыхъ европейскихъ, африканскихъ и азіатскихъ странахъ... Однако націи трудно, въ общемъ, возникнуть безъ государственности. Да и въ указанныхъ примѣрахъ «магической» націи нѣтъ, въ сущности, абсолютнаго отсутствія государственности. Нація ислама возникла, какъ извѣстно, вмѣстѣ съ его государственностью. Но источникъ этой государственности тѣснѣйшимъ, неразрывнымъ образомъ связанъ съ міромъ религіознаго. Оттого-то исламъ, какъ нація, и можетъ переживать потерю своей государственности, т. е. пока онъ вполнѣ живъ, какъ религія. Религіозный законъ ислама является вмѣстѣ съ тѣмъ и его гражданскимъ закономъ. Несмотря на инкорпорацию въ чужія государственности, нація ислама по самому своему существу неизбѣжно связана съ извѣстнаго рода автономіей, т. е. имѣетъ какъ-бы скрытую государственность. Такъ и имперская Россія признавала Уфимскаго муфтія главою русскихъ мусульманъ. Только-ли духовнымъ главою? Въ томъ-то и дѣло, что не совсѣмъ такъ. Ибо по самой природѣ ислама духовное неотдѣлимо отъ свѣтскаго. И муфтіи былъ, подобно константинопольскому патріарху, въ извѣстной степени этнархомъ (поскольку это было, разумѣется, совмѣстимо съ бытіемъ Россіи, какъ націи территориальной).

Тоже самое можно сказать и объ іудействѣ: его внутренняя гражданская жизнь въ значительной степени регулировалась почти повсемѣстно его собственнымъ религіозно-гражданскимъ закономъ, да и вообще іудейство вѣками имѣло — и отчасти имѣетъ еще до нынѣ — автономную организацію. Въ такомъ-же положеніи находилась въ древнемъ мірѣ ранне-христіанская церковь, но безъ основанія называвшаяся римскими писателями — «христіанской націей» *populus christianus, gens christiana*. Раннее христіанство — на это обыкновенно обращается слишкомъ мало вниманія — именно и было націей и чувство-

вало себя, какъ нація. Кстати, и генезисъ и самое понятіе націи, какъ духовнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ — неизбежно — аристократическаго соединенія («родъ избранный», «царственное священство», «люди, взятые въ удѣлъ»), — нигдѣ лучше не опредѣлены, какъ въ памятникахъ Новаго Завѣта (I Петра, II, 9—10; Дѣян., XV, 14*).

Изъ вышеннеложеннаго видно, насколько сложна — и вмѣстѣ съ тѣмъ тѣсна — связь между національнымъ, государственнымъ и религіознымъ порядкомъ. Не покрывая, вполнѣ другъ друга, эти три порядка имѣютъ тѣмъ не менѣе огромное общее достояніе. Они проникаютъ другъ друга и имѣютъ обширное поле взаимодѣйствія. Разница между «магической» націей и другими ея видами — античной «городской» и современной территоріальной — заключается въ данномъ отношеніи лишь въ томъ, что въ первой является особенно подчеркнутымъ религіозный моментъ. Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что въ другихъ видахъ націи этотъ моментъ не играетъ роли. Напротивъ, всякая нація является въ нѣкоторой степени «магическою», т. е. въ извѣстномъ смыслѣ теократіей, или, чтобы воспользоваться евразійскимъ терминомъ, «идеократіей»... Но каковъ-бы ни былъ характеръ той или иной націи, потеря государственности всегда угрожаетъ ей ослабленіемъ, замираніемъ и — *à la longue* — разложеніемъ и смертію. Первымъ этапомъ этого регрессивнаго движенія и является превращеніе націи въ «національность»... Долго-ли можетъ пребыть бывшая нація въ состояніи національности? Порою очень долго. Но все-же это состояніе есть состояніе переходное и не можетъ длиться безконечно. Оно представляетъ собою промежуточную стадію между націей и этносомъ. И выходомъ изъ этой стадіи можетъ быть либо приобщеніе къ націи, уничтожившей прежнюю государственность данной національности (или къ другимъ націямъ — путемъ инкорпорации или эмиграции), либо окончательное погруженіе въ этность...

Рѣшающимъ моментомъ является въ вопросѣ о воз-

*) Пониманіе этихъ и другихъ аналогическихъ текстовъ затрудняется для русскихъ читателей тѣмъ, что греческіе $\xi\theta\nu\omicron\varsigma$, $\tau\acute{\alpha}$ $\xi\theta\nu\eta$, $\xi\theta\nu\iota\kappa\omicron\varsigma$ передаются въ русскомъ переводѣ словами язычники, языческой, получившими въ русскомъ языкѣ специфическое значеніе «многобожія», т. е. ставшими синонимомъ латинскаго *pagani* (откуда французское *païens*.) Между тѣмъ французскимъ синонимомъ $\xi\theta\nu\iota\kappa\omicron\varsigma$ является вовсе не *païens* а *gentils* гораздо болѣе соответствующее дѣйствительному смыслу греческихъ $\xi\theta\nu\omicron\varsigma$ и $\xi\theta\nu\iota\kappa\omicron\varsigma$ въ которыхъ выражается понятіе племени. Въ Новозавѣтномъ противоположеніи $\lambda\acute{\alpha}\omicron\varsigma$ — $\xi\theta\nu\omicron\varsigma$ и мыслится прежде всего противоположеніе между націей (именно «магической» націей — она и есть $\lambda\acute{\alpha}\omicron\varsigma$ Новозавѣтныхъ текстовъ) и племенемъ (этносомъ).

возможной продолжительности существования национальности большая или меньшая сила средств, символов и сознания живущей в ней бывшей нации. Поразительный пример национальной стойкости является Карпатская Русь, которая, будучи уже в течение многих веков втиснутой в чужую государственность, сохраняет по сей день в полной неприкосновенности свое русское — не этническое чувство, а — я подчеркиваю это утверждение — национальное сознание. Впрочем, наименование «национальность» приложимо к этому крайнему западному форпосту русского мира лишь с некоторою натяжкой. Формально, т. е. с точки зрения бывшего Австро-венгерского агglomerата народностей, Карпатская Русь является, несомненно, национальностью. Но с более широкой точки зрения, т. е. по внутреннему своему существу, она составляет часть Российского национального единства. Эта-то опора на Россию, это сознание своей духовной связанности с нею, — и облегчили, несомненно, карпато-руссам отстоять себя — и как национальность... Впрочем история знает и такие примеры — когда национальность кончала тем, что так сказать перелицовывала инкорпорировавшую ее нацию, наполняя ее новым духом, т. е., одновременно сливаясь с нею, переделывала ее в новую нацию по своему образу и подобию. Такова была роль агglomerата восточно-средиземных национальностей — эллинской и «эллинистических» — при слиянии с покорившим их Римом. Все они, в сущности ожили в нем: начиная уже с I века по Р. Х. нация Римской Империи получает определенный уклон на Восток и впоследствии ее «душа» становится все более «восточною».

Для того, чтобы национальность могла сохраниться, ей важно, в частности, сохранить, в качестве действительного живого центра жизни, свою традиционную культуру, вообще традиции бывшей нации, сохранить свою дифференцированную культурно-социальную структуру, т. е. прежде всего свою историческую аристократию (или вырастить, на смену ей, новую), сохранить, наконец, культуру в тесном смысле, т. е. образованность. Балканским, напр., народностям (за исключением, может быть, греков) далеко не удалось сохранить перечисленные силы и средства своей национальной личности. Поэтому трудно сомневаться, что этим национальностям грозило погружение в этнос. И если что и задерживало его, то именно «магическая» природа ислама, перелившаяся и в государственность Османской Империи. Ее «магизм», внутренняя его логика, — требовали признания за конфессиональными организациями хотя и завоеванных, но, строго говоря, не вполне инкорпорированных национальностей характера государственности, или, по крайней мере, полу-государственности. И эта религиозно-политическая психология Стамбула, признававшего, напр.,

Цареградскаго патріарха не только духовнымъ іерархомъ, но, какъ было уже упомянуто, и народнымъ вождемъ (этнархомъ), — и поддерживала бытіе балканскихъ національностей и задерживала ихъ окончательное и безповоротное погруженіе въ этность.

16.

Въ концѣ XVIII вѣка зарождаются новыя, «народныя», теоріи, пышно расцвѣтшія въ XIX-мъ. Эти теоріи, нашедшія первыхъ провозвѣстниковъ въ братьяхъ Гриммахъ, Гердерѣ и вообще писателяхъ романтической эпохи, органически связаны, вмѣстѣ съ тѣмъ, съ идеями французской революціи. Эту связь часто не замѣчаютъ — между тѣмъ именно въ принципахъ Революціи и заключено главнѣйшее политико-идеологическое обоснованіе этихъ теорій. Но съ другой стороны можно сказать, что отчасти и сами принципы Революціи почерпаютъ свою силу изъ теорій, по которой народный коллективъ, народныя массы, — являются главнѣйшимъ источникомъ всякаго вообще творчества жизни. Въ самомъ дѣлѣ, не заключаетъ-ли въ себѣ *implicite* тезисъ *le peuple souverain* и иной предпосылки, а именно тезиса: *le peuple créateur*? Это, конечно, не значитъ, что демократизмъ былъ-бы однозначущъ этнизму. По существу, это далеко не такъ. Этность не есть демось, и демократизмъ не есть этнизмъ. Но предыдущее все-же объясняетъ, почему демократизмъ такъ легко вырождается въ этнизмъ какъ и демось — въ этность и незамѣтно сливается съ нимъ.

Съ этими-то «народными» теоріями генетически, несомнѣнно, и связано — оживленіе европейскихъ національностей, начавшееся еще въ первой четверти XIX вѣка. Въ національномъ возрожденіи Венгріи эта связь еще мало замѣтна. Тоже можно сказать — несмотря на «жестъ» Байрона и вообще европейскую агитацію — и о возрожденіи Греціи. Но въ дальнѣйшемъ тѣсная связь между новыми теоріями и оживленіемъ національностей выступаетъ вполне наглядно. Даже въ крупныхъ движеніяхъ, завершившихся объединеніемъ Италіи и Германіи, романтически-этническая идеологія играла, если и не первенствующую, то все-же весьма значительную роль...

Эта идеологія, это признаніе «народа» субъектомъ творческаго процесса жизни, — повліяли и на самую концепцію націи, значительно, ее видоизмѣнивъ и искаживъ. Европейская мысль впала какъ разъ въ указанный выше соблазнъ. Нація и національность XIX вѣка, стремясь быть «демократическими», отождествляли себя съ этносомъ. Почти что такъ. Для людей XIX вѣка нація перестала быть функціей государственности и вообще духа. Она стала функціей эт-

носа, почвы, т. е. силъ субстанціально ей противоположныхъ и даже враждебныхъ. По этимъ воззрѣніямъ, — не духъ рождаетъ націю: духъ самъ рождается въ ней. И даже не въ ней, а въ «народѣ», которому было субституировано понятие націи и въ которомъ въ дѣйствительности мыслился этнось, т. е. нѣчто по самому своему существу внѣ-духовное. Вся эта путаница, всѣ эти внутреннія противорѣчія въ концепціи націи отразились наконецъ и на самомъ ея чувствѣ... Въ сущности «народныя» теоріи знаменовали собою не что иное, какъ глубочайшій кризисъ націи...

Въ объединеніи Италіи и Германіи эти теоріи еще не играли, какъ было уже отмѣчено, первенствующей, во всякомъ случаѣ, не играли исключительной роли. Эти объединительные процессы явились скорѣе результатомъ реального соотношенія дѣйствовавшихъ въ Европѣ національных силъ. Но въ послѣдующихъ движеніяхъ малыхъ національностей, въ самомъ ихъ «оживленіи», — роль «народной» идеологіи была уже опредѣляющей. Классическій примѣръ національности, построенной на основѣ теоріи, является собою судьба новой Чехіи. Преемственная связь ново-чешской національности — а это значитъ прежде всего: чешской культуры, т. е. образованности — съ отдаленнымъ историческимъ прошлымъ Чехіи есть въ нѣкоторой степени искусственное построение. Вдобавокъ, постройка производилась, въ сущности, почти безъ фундамента. Ибо этнось, на основѣ котораго хотѣли построить новую Чехію, не есть фундаментъ (въ смыслѣ націообразующаго фактора). Но въ томъ-то и дѣло, что, воображая, что они строятъ на этнось и изъ этноса, строители на самомъ дѣлѣ строили изъ «образованности», т. е. прежде всего изъ идеологіи. И это-то и ожило, лучше сказать: создало вновь чешскую національность, уже умирающую, уже поглощаемую этносомъ, уже сливающуюся съ нимъ. Если оставить въ сторонѣ отдѣльныя, сравнительно рѣдкія, единицы, то можно сказать, что въ эпоху Вѣнскаго конгресса былъ, строго говоря, лишь чешскій этнось. А чрезъ тридцать лѣтъ чешская національность уже существовала. Она родилась такъ сказать «изъ воздуха», отнюдь не изъ «почвы»! Не въ томъ смыслѣ, что «будители» не происходили изъ народа, но въ томъ смыслѣ, что весь ихъ паѳосъ, всѣ ихъ творческія усилія были вдохновлены идеологіей, т. е. чѣмъ-то внѣшнимъ по отношенію къ этническому міру и органически чуждымъ ему. Въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія родившаяся такимъ путемъ національность уже властно заявила о своихъ правахъ... Кромѣ нѣкоторыхъ очень блѣдныхъ остатковъ гуситскихъ традицій, ея главнѣйшимъ активомъ и тогда была, въ сущности, лишь одна «образованность», лишь одна «идеологія». Но этихъ образованности и идеологіи оказалось достаточ-

но, чтобы послужить для чешской національности ядромъ, точкою кристаллизаціи и наростанія силъ...

Примѣръ молодой Чехи именно и показываетъ, что оживленіе національности идетъ не изъ этническихъ глубинъ, не изъ «нижняго этажа» культуры, а тѣснѣйшимъ образомъ связано съ «образованностью». Въ этомъ смыслѣ, національность есть преимущественно интеллигентское явленіе, — въ то время какъ нація, какъ было уже отмѣчено, есть явленіе по существу аристократическое. «Образованность» разрушенной націи большею частью переживаетъ ея аристократію. Во всякомъ случаѣ, образованность разрушенной націи можетъ возродиться, а ея аристократіи, если только она не уцѣлѣла, возродиться крайне трудно. И особенно въ современныхъ условіяхъ «образованность» является тѣмъ, что первое пробуждается въ оживающей національности. И это необходимо такъ и должно быть, ибо образованность есть именно то, что отдѣляетъ національность отъ этноса, т. е. ея жизнь отъ ея смерти...

«Образованность», интеллигенцію, — часто упрекаютъ въ беспочвенности, въ «національномъ обезличеніи», въ измѣнѣ національному дѣлу. Обвиненіе въ «беспочвенности» несомнѣнно справедливо въ томъ смыслѣ, что интеллигенція — даже когда она мнитъ себя служащею этническимъ силамъ и идеологически обожествляетъ ихъ — все-же представляетъ собою отрывъ отъ этноса. Но именно этимъ отрывомъ она завоевываетъ себѣ и личность и возможность служить національному дѣлу.

17.

Какъ-же относится все сказанное выше о національности къ украинской проблемѣ? Какъ преломляется оно въ ней?

Мы уже видѣли, что ея разрѣшеніе никоимъ образомъ не можетъ отправляться отъ «нижняго этажа» культуры, т. е. отъ этническаго быта. Какъ и всякую національную проблему, и украинскую проблему можетъ разрѣшить и опредѣлить лишь верхній «этажъ» культуры, т. е. именно то, что является по существу культурою. Я отмѣтилъ (см. выше гл. 7), что Украина представляла собою, въ эпоху ея соединенія съ Москвою, этносъ — почти въ чистомъ его видѣ. Я также указалъ, что въ этомъ этническомъ морѣ были разбросаны небольшіе острова «образованности». Я упомянулъ, наконецъ, что въ Приднѣпровьѣ сохранилась нѣкоторая тѣнь великой традиціи, національной традиціи Кіевской Руси... Вотъ эти-то оазисы «образованности» и тѣнь традиціи Кіевской Руси и дѣлали изъ тогдашней Украины «национальность» — совершенно въ томъ-же смыслѣ, въ какомъ были національностями греки, сербы и болгары въ Оттоманской имперіи и мадьяры и чехи въ имперіи Габс-

бургской. Ибо — повторимъ это еще разъ здѣсь — Россійской націи въ ту пору еще не существовало.

Но именно потому, что традиція Кіевской Руси была лишь тѣнью, значительная часть западно-русской національности влилась въ XVII в. въ иной національный міръ и усвоила себѣ иную національную традицію, именно польскую. Другая-же ея часть, соединившись съ національной традиціей Москвы, также въ ту пору увядавшею, образовала, вмѣстѣ съ нею, новый національный міръ: російско-имперскій. Другими словами, остаткамъ украинской національности, поскольку они еще существовали въ XVIII вѣкѣ внѣ области притяженія двухъ вышеуказанныхъ національных потомковъ, грозило, какъ и національностямъ Турецкой и Габсбургской имперій, неизбежное погруженіе въ этнось.

И нельзя ни минуты сомнѣваться, что и украинскую національность — она сама себя назвала этимъ малограмотнымъ (съ точки зрѣнія филологіи) именемъ — оживили вновь тѣ-же самыя «народныя» теоріи, та-же специфическая идеологія XIX вѣка, которыя оживили и національности Австріи и Турціи. Въ этомъ утвержденіи не заключено отрицанія значительной роли, которую играла въ оживленіи украинской національности политика Вѣны, направленная (при Стадіонѣ) къ ослабленію польскаго элемента въ Австріи, а впоследствии — противъ Россіи. Но вѣдь такую-же роль играла отчасти и русская политика — въ оживленіи національностей Турціи и даже Австріи. Во всякомъ случаѣ, тараномъ, которымъ дѣйствовала данная политика «сосѣднихъ державъ», именно и была специфическая «народная» идеологія XIX вѣка. Ея непосредственный результатъ — возникновеніе, среди всѣхъ этихъ уже превращавшихся, частью уже превратившихся, въ этнось національностей, «образованности» — въ свою очередь повело и къ оживленію самихъ этихъ національностей.

И подобно тому какъ возникшая въ XIX вѣкѣ новочешская національность и взрастившая ее образованность были, въ сущности, новыми построениями, представлявшими собою лишь такъ сказать «проекцію въ прошлое» и на самомъ дѣлѣ не имѣвшими живой преемственности съ этимъ прошлымъ, такъ — и въ большей еще даже степени — искусственнымъ построеніемъ была и возникшая приблизительно одновременно новоукраинская образованность, символизировавшая возрожденную украинскую національность. Начать съ того, что ея языкъ, т. е. новоукраинскій литературный языкъ, былъ скомпанованъ не только внѣ какого-либо преемства съ языкомъ древнихъ памятниковъ Кіевской письменности, но даже безъ малѣйшей связи съ языкомъ западно-русской и украинской письменности XVII вѣка. Новоукраинскій литературный языкъ знаменуетъ собою не

возстановленіе прошлаго, не оживленіе его, но именно полный и окончательный разрывъ съ нимъ. Онъ представляеть собою не Кіевскую традицію, а Львовское измышленіе. Кіевская традиція заключена не въ украинскомъ, а въ рускомъ литературномъ языкѣ. Именно послѣдній и является, въ этомъ смыслѣ, истиннымъ украинскимъ языкомъ. Что касается языка, изобрѣтеннаго современными украинцами, то онъ есть своего рода «эсперанто» — пусть и построенное на основѣ одного изъ галицкихъ этническихъ говоровъ: вѣдь и языкъ эсперанто построенъ на основѣ существующихъ языковъ... Однако тотъ фактъ, что въ основу новоукраинскаго языка положенъ народный говоръ, отнюдь не дѣлаеть украинскаго движенія «народнымъ». Напротивъ, оно цѣликомъ интеллигентское, получившее толчекъ съ Запада (что не мѣшаетъ ему имѣть — въ другомъ планѣ — глубочайшіе корни въ самомъ украинскомъ «мѣсторазвитіи» — см. выше гл. 10). И какъ разъ въ выборѣ, въ качествѣ основы украинскаго литературнаго языка, народнаго говора и видно тѣснѣйшая связь всего украинскаго движенія съ расцвѣтшей въ Европѣ въ XIX вѣкѣ «народной» идеологіей.

18.

Вышеприведенная генетическая характеристика украинскаго литературнаго языка вполнѣ, какъ кажется, согласуется съ общею невысокою оцѣнкою кн. Трубецкимъ украинской культуры, т. е. ея «верхняго этажа», оцѣнкою, прямо имъ не высказываемою, но все-же достаточно ясною. Впрочемъ, и самъ Дорошенко не особенно спорить противъ нея. Онъ указываетъ только на возможность — хотя также не высказываетъ прямо своей мысли — что, несмотря на второсортность украинской культуры, она все-же уцѣлѣеть, т. е. что и «верхній этажъ» этой культуры будетъ украинскимъ, а не «общерусскимъ». Въ виду этихъ недомолвокъ и фигуръ умолчанія, къ которымъ прибѣгли въ данныхъ построенияхъ оба почтенные автора, я позволю себѣ договорить за нихъ до конца оставленное ими обоими въ тѣни и высказать съ полною ясностью и отчетливостью, въ чемъ, по крайнему моему разумѣнію, заключается центръ всего вопроса.

Дорошенко вполнѣ правъ, когда онъ намекаетъ на то, что менѣе высокая качественность украинской культуры — я все время говорю объ ея «верхнемъ этажѣ» — можетъ побѣдить, т. е. на территоріи Украины, болѣе высокую качественность культуры «общерусской». Дѣйствительно: какъ будто высокое качество всегда побѣждаетъ низшее! Какъ будто регрессъ, говоря вообще, не является столь-же «естественнымъ путемъ развитія», какъ и прогрессъ!.. Можно, во всякомъ случаѣ, быть увѣреннымъ, что не рационалистическія и утилитарныя соображенія кн. Трубецкого («невыгодность» для культурныхъ украинцевъ отказаться отъ «об-

щерусскаго» культурнаго наслѣдія) разрѣшать данный вопросъ... Но вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно необѣдительно звучать у Дорошенка тѣ мѣста, гдѣ онъ насъ старается увѣрить, что украинская культура не будетъ направлена противъ русской культуры, тѣ мѣста, гдѣ онъ пытается отогнать отъ насъ мысль, что она не будетъ имѣть ничего общаго съ прежней общерусской культурой.

Нѣтъ! Украинская культура, если только ей суждено будетъ утвердиться, будетъ необходимо направлена противъ русской культуры. Это совершенно неизбѣжно и это вполне выясняется уже теперь. Развѣ не символично уже то, что, желая во что-бы то ни стало даже въ самомъ имени своемъ уничтожить всякую связь съ «Россіей», всякій намекъ на такую связь, она съ такимъ упорствомъ и даже «озорствомъ» прицѣпилась къ имени «Украины», во всѣхъ отношеніяхъ неудачному и даже, въ концѣ концовъ, ей не выгодному? Но она правильно чувствуетъ, что только устремленіе противъ русской культуры и борьба съ нею смогутъ обезпечить ея бытіе. И здѣсь дѣло вовсе не только въ украинскихъ шовинистахъ. Напротивъ, сами шовинисты суть только результатъ ея пробуждающагося инстинкта. Ей придется бороться — и бороться безпощадно — съ русской культурой просто потому, что другого выбора у нея нѣтъ, что безъ такой борьбы она никогда не отстоитъ своего существованія. И даже болѣе того: безъ такой борьбы она вообще не можетъ имѣть никакого смысла. И все это — не только потому, что русская культура качественно гораздо выше ея, но и потому, что она отвѣчаетъ живой, реальной потребности жизни. Украинская-же культура построена на «теоріи» и этой теоріи она только (пока) и отвѣчаетъ.

Говоря о прошломъ, Трубецкой совершенно справедливо указываетъ на то, что южно-руссѣ заразились великорусскимъ (въ нашей транскрипціи: имперскимъ) паѳосомъ государственнаго максимализма и приняли самое активное участіе въ общерусскомъ государственномъ строительствѣ. Но спрашивается: почему такъ вышло? Отвѣтъ не вызываетъ въ насъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Все дѣло было въ томъ, что украинской націи тогда не было. Нѣтъ ея еще и теперь. Однако это отнюдь не значитъ, что ея вообще не можетъ быть. Вопросъ сводится, на нашъ взглядъ, къ тому, возникаетъ-ли или нѣтъ самостоятельная украинская государственность, самостоятельная даже не столько въ смыслѣ юридической природы политическаго ея отношенія съ сосѣдними территоріями бывшей Имперіи, сколько въ смыслѣ заключенной въ ней идеи, чувства, такта и стиля. Это-то и значитъ, что чѣмъ эта государственность будетъ отличнѣе отъ русской, тѣмъ болѣе шансовъ будетъ за собою имѣть и возникновеніе украинской націи. Если такая государственность особаго украинскаго стиля дѣйствительно

возникнетъ, то украинская національность, нынѣ спѣшно организующаяся, сможетъ превратиться въ націю... И эта проблема государственности и націи разрѣшить вмѣстѣ съ тѣмъ — обратнымъ дѣйствіемъ — и вопросъ о бытіи украинской культуры, какъ бы ни была низка ея качественная оцѣнка. Вопросъ объ ея бытіи и сводится, въ сущности, къ вопросу, какая нація-государственность будетъ жить на территоріи Украины: украинская или російская. Такимъ образомъ вопросъ объ украинской культурѣ есть, на нашъ взглядъ, прежде всего политическій вопросъ.

Не берусь рѣшать, сможетъ-ли и въ какой степени современный совѣтско-федеративный административный режимъ Украины послужить исходной точкою возникновенія украинской государственности и созданія украинской націи. Можно также отмѣтить, что съ разрушеніемъ прежней Австріи и при постепенномъ — но вполнѣ несомнѣнномъ — превращеніи въ нѣкій историческій пережитокъ и самихъ «народныхъ» теорій, весь «украинизмъ» обязанный своимъ существованіемъ прежде всего старой Австріи и этимъ теоріямъ, можетъ легко очутиться въ положеніи Эфемериды на закатѣ... Правда, въ Европѣ могутъ оказаться иныя значительныя силы, въ немъ заинтересованныя. Однако силы эти еще достаточно не опредѣлились, и разсмотрѣніе вопроса въ данной плоскости не входитъ въ нашу тему...

Возвращаясь къ ней, мы видимъ довольно отчетливо, что путь къ созданію украинской государственности усѣянъ крупными препятствіями. Уже создавшіяся нація и государственность могутъ продолжать существовать — и утратить прямую связь съ исторической традиціей. Такія старыя, налаженные нація-государственности уже сами представляютъ собою традицію, несутъ ее въ себѣ. Но гораздо труднѣе возникнуть безъ традиціи и, въ частности, безъ такихъ ея символовъ, какъ аристократія, — новой, зарождающейся, націи. Интеллигенція можетъ замѣнить аристократію въ ея націообразующей функціи — далеко не въ полной мѣрѣ. Интеллигенція — повторяю еще разъ — есть символъ, превосходное хранилище и дѣйственный факторъ національности, но не націи. Ибо послѣдняя требуетъ не только мысли, но и дѣйствія, не только образованности, но и навыковъ и цѣлаго комплекса способностей, инстинктовъ и «настроенности», а также формъ и «стиля», которыхъ интеллигенція обыкновенно лишена, — и при томъ по самому своему существу, т. е. въ силу своихъ основныхъ специфическихъ чертъ.

Оказать существенную поддержку украинской государственности могла-бы, несомнѣнно, и сила иного рода: сила украинской культуры. Наше положеніе о приматѣ государственности передъ культурою въ данномъ вопросѣ отнюдь не заключаетъ въ себѣ отрицанія творческаго значенія куль-

туры въ націообразующемъ процессѣ. Высокая качественность культуры можетъ оказать огромное содѣйствіе этому процессу. И наоборотъ: низкая качественность культуры можетъ задержать и даже компрометировать его. Можно даже сказать, что нація, въ конечномъ счетѣ, есть функція именно культуры (понимаемой въ смыслѣ культурнаго цикла). Но, во всякомъ случаѣ, отношеніе между націей и культурой не столь прямолинейное, какимъ оно видимо представляется Трубецкому. Въ дѣйствительности между всѣми тремя факторами — націей, культурой и государственностью — существуетъ чрезвычайно сложное и вмѣстѣ съ тѣмъ подвижное отношеніе тѣсной связи и взаимодѣйствія. Но въ ближайшемъ планѣ (а мы вѣдь говоримъ преимущественно именно о немъ) факторъ государственности является все-таки опредѣляющимъ... Достаточно въ этомъ отношеніи вспомнить судьбу балканскихъ народностей. Какъ быстро превратились онѣ изъ полуэтническихъ «туманныхъ пятенъ» — въ подлинныя націи. И что-же иное, если не государственность, — послужила главнѣйшимъ, почти исключительнымъ, факторомъ этого магическаго превращенія?

19.

Шансовъ украинской націи, украинской культуры и украинскаго языка не слѣдуетъ преувеличивать. Многое стоитъ имъ поперекъ пути. Но шансовъ украинскаго движенія не слѣдуетъ и преуменьшать. Во всякомъ случаѣ, надо отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, что предъ нами стоитъ не маниловскій кислосладенькій вопросъ объ украинскомъ варіантѣ «нижняго этажа» русской культуры, а вполне реальный вопросъ объ украинской культурѣ, какъ таковой, т. е. о верхнемъ ея этажѣ и всемъ томъ, что органически связано съ нимъ, именно прежде всего о бытіи украинской національности, заключающей въ себѣ потенциально и украинскую націю... Станетъ-ли Украина дѣйствительно націей, или останется провинціей и «географическимъ понятіемъ», чѣмъ она была въ XVIII и XIX вѣкахъ? — вотъ какъ стоитъ, на нашъ взглядъ, вопросъ. И то, какъ разрѣшится этотъ вопросъ, — опредѣлить, на территоріи Украины, и судьбу «нижняго этажа» ея культуры. Если Украина станетъ націей, то и нижній этажъ ея, оставаясь тѣмъ, что онъ есть, т. е. этническимъ бытомъ, окажется подъ постояннымъ воздѣйствіемъ этой новой націи и ея интегрирующаго процесса. Если-же Украина націей не станетъ, т. е. сохранится на территоріи Россійская нація, то и «нижній этажъ» этой территоріи останется, какъ это было втеченіе двухъ столѣтій, подъ дѣйствіемъ этой націи, и вновь возобновится, — если и не вполне прекращенный, то все-же сильно замедленный революціей, — россійско-национальный интегрирующий процессъ.

Но при разрѣшеніи судьбою намѣченной альтернативы сыграетъ, несомнѣнно, роль и то, какъ отразится пережитое десятилѣтіе Революціи и на самой русской интеллигенціи, т. е. смогутъ-ли въ ней образоваться достаточно сильные центры новыхъ уклоновъ, отличныхъ отъ ея уклоновъ сумеречныхъ десятилѣтій. Трудно не видѣть, что происшедшее съ Россіей сравняло уже отчасти ея положеніе въ данномъ спорѣ «славянъ между собою» — съ положеніемъ Украины. Украинская интеллигенція является нынѣ уже не просителемъ, а русская — не рѣшающей инстанціей въ этомъ «историческомъ процессѣ». Обѣ онѣ являются нынѣ «сторонами». И должно сказать, что «ауспиціи» русской интеллигенціи въ этомъ спорѣ за сохраненіе національныхъ позицій не особенно благоприятны, — несмотря на высокую качественность представляемой ею русской культуры.

Дѣло въ томъ, что украинская проблема заключаетъ въ себѣ и еще одинъ аспектъ, на который обыкновенно не обращаютъ вниманія. Въ извѣстномъ смыслѣ, весь «украинизмъ» является не чѣмъ инымъ, какъ однимъ изъ выражений кризиса русской интеллигенціи. Поэтому было-бы, можетъ быть, въ интересахъ нашей темы заключить ее нѣкіемъ словомъ о природѣ и судьбѣ интеллигенціи, какъ таковой, объ ея роли въ уже сложившейся націи, вообще объ ея отношеніи къ націи и этносу — въ связи съ особыми уклонами русской интеллигенціи, сумеречныхъ десятилѣтій. Однако таковой очеркъ рисковалъ-бы слишкомъ затянуть наше изложеніе, и поэтому мы предпочитаемъ разработать его тему отдѣльно. . . Скажемъ кратко, что въ націи, уже сложившейся, интеллигенція всегда болѣе или менѣе находится подъ роковою угрозою: разойтись въ путяхъ съ націей. И какъ ни относиться къ русской государственности послѣднихъ десятилѣтій, какъ высоко ни оцѣнивать положительныя теченія русской интеллигенціи тѣхъ-же десятилѣтій, трудно не видѣть, что эта трагическая угроза именно и осуществилась въ ея судьбѣ. Въ общемъ русская интеллигенція не сумѣла остаться тѣмъ, чѣмъ она была раньше и чѣмъ вообще только можетъ и быть интеллигенція уже создавшейся націи, т. е. одной изъ частей ея аппарата.

Конфликтъ между «духомъ» націи и рационализмомъ интеллигенціи, всегда болѣе или менѣе неизбежный, и ведетъ къ «безмѣстности» послѣдней. Въ такомъ-то безмѣстномъ положеніи ей и грозитъ опасность стать не то классомъ, болтающимся между остальными классами, не то какимъ-то смутнымъ «настроеніемъ» или безпредметнымъ стремленіемъ, не то нѣкімъ малоопредѣленнымъ орденомъ «свободы и братства», не то, какъ давно уже кто-то замѣтилъ, «заговоромъ» (не противъ націи-ли?), не то даже прямо

«костюмомъ», какъ опредѣлил нѣкогда русскую интеллигенцію кн. С. Волконскій. . . Но параллельно со всѣми этими измѣненіями и сама интеллигенція незамѣтно превращается въ свою противоположность, т. е. уходитъ въ «почву» и начинаетъ обильно проростать и обростать этносомъ.

Это-то и случилось съ русской интеллигенціей — и славянофильской и западнической — въ сумеречныя десятилѣтія. И въ этомъ-же направленіи слѣдуетъ искать и отвѣтъ на вопросъ, сможетъ-ли она выступить въ качествѣ дѣйственной и дѣятельной силы — на борьбу съ украинизмомъ. Если русская интеллигенція, переболѣвъ, справится въ концѣ концовъ со своимъ внутреннимъ кризисомъ, то она во многомъ сможетъ увеличить шансы этой борьбы. Но для этого она должна понять, что сможетъ играть роль въ національномъ творествѣ — она и играетъ ее во всѣхъ современныхъ націяхъ — лишь при условіи сохраненія связи съ «расою» (въ Шпенглеровскомъ смыслѣ), т. е. будучи введена въ тѣсный контекстъ — пользуясь употребленнымъ кн. Трубецкимъ по другому поводу удачнымъ выраженіемъ — съ остальными національными силами и цѣнностями. Такою по истинѣ національною интеллигенціей и была русская интеллигенція Пушкинско-й эпохи и таковыми-же національными интеллигенціями остаются по днесь — даже въ социалистическихъ своихъ представителяхъ — всѣ западныя интеллигенціи. Напротивъ, жизнь русской интеллигенціи сумеречныхъ десятилѣтій протекала подъ знакомъ глубочайшаго противорѣчія между нею и націей, противорѣчія, переливашагося во внутреннее противорѣчье и самаго ея существа. Такъ-то ея чисто рационалистическій по своему источнику славянофильско-западнической мистицизмъ знаменовалъ, въ своей дѣйственной сущности, не что иное, какъ возвращеніе къ этносу. Между тѣмъ именно отрывомъ отъ этноса интеллигенція завоевываетъ себѣ и личностъ и вообще возможность служить національному дѣлу. . .

20.

Въ вышеизложенномъ мы лишь бѣгло и крайне неполно намѣтили, какъ украинская проблема переплетается съ общею проблемою русской интеллигенціи. Ея судьба, судьба рационализма, незамѣтно превращающагося въ нѣкій мистическій этнизмъ, составила-бы любопытнѣйшую главу исторіи русской культуры. Не имѣя однако-же, какъ было уже сказано, возможности углублять эту тему въ настоящемъ очеркѣ, мы закончимъ его краткимъ ретроспективнымъ обзоромъ основныхъ построений кн. Трубецкого.

Онъ часто подчеркиваетъ, что «общерусская» культура есть отнюдь не культура великорусская, въ

чѣмъ онъ, конечно, сугубо правъ. Болѣе того: никто, какъ кажется, не показалъ яснѣе кн. Трубецкого — именно на исторіи ея генезиса въ XVII вѣкѣ — что русская культура — не великорусскаго происхожденія. И все-таки авторъ, на нашъ взглядъ, не вездѣ проводитъ данную мысль вполнѣ послѣдовательно. Порою онъ какъ-бы самъ забываетъ о ней. . . Возможно, что соблазнъ этого забвенія таится отчасти и въ нѣкоей «игрѣ словъ», заключенной въ самомъ терминѣ «Великороссія». Ибо непосредственный территориально-этнографическій смыслъ этого обозначенія уже въ силу своего этимологическаго созвучія легко переливается въ иной, фигуральный, смыслъ. И такъ невольнo возникаетъ отождествленіе съ «Великороссіей» — Великой Россіи, въ смыслѣ великаго русскаго соединства. . . Какъ будто какъ разъ противъ этого смѣшенія и направляется система кн. Трубецкого — не имъ, конечно, изобрѣтенная — разсматривающая Великороссію, Малороссію и Бѣлоруссію, какъ и индивидуациі «общерусской» культуры. Но на самомъ дѣлѣ эта система въ данномъ случаѣ не достигаетъ своей цѣли. Болѣе того: она вообще, въ сущности, ничего не разрѣшаетъ — ни въ смыслѣ теоретическаго построенія, ни въ смыслѣ практическаго разрѣшенія спора «славянъ между собою». Напротивъ, она можетъ лишь углубить и обострить этотъ споръ. Ибо совершенно неизбѣжно, что на практикѣ каждая «индивидуація» будетъ отстаивать самое себя за счетъ другихъ. Что это именно такъ, — намъ вполнѣ наглядно показываетъ исторія всего украинскаго движенія.

Не въ этой борьбѣ между «индивидуаціями» и, слѣдовательно, не въ признаніи ихъ автономіи заключено, по нашему мнѣнію, существо вопроса. Трубецкой находитъ, что «конкретно существуютъ» великороссы, малороссы и бѣлороссы, а «общероссы» являются лишь продуктомъ извѣстнаго рода абстракціи, т. е. чѣмъ-то реально и конкретно не существующимъ. Мы указали уже въ другомъ мѣстѣ, что видимъ во всемъ этомъ построеніи нѣкоторое злоупотребленіе терминами «абстрактный» и «конкретный». Вмѣстѣ съ тѣмъ мы сами считаемъ неудачнымъ столь часто повторяемый авторомъ терминъ «общерусскій». Однако мы никакъ не можемъ согласиться — будто «продуктомъ абстракціи» является то, что въ дѣйствительности этотъ терминъ скрываетъ собою, т. е. Россійская нація. Россійская нація существуетъ (или, по крайней мѣрѣ, существовала) вполнѣ конкретно и вполнѣ реально. Напротивъ, продуктомъ «извѣстнаго рода абстракціи», т. е. чѣмъ-то реально и конкретно несуществующимъ, представляются намъ именно «индивидуаціи», т. е. несуществующимъ въ смыслѣ національныхъ соединствъ.

Но и независимо отъ этого національнаго критерія, т. е. и съ чисто фактической точки зрѣнія, Великороссія, Малорос-

сія и Бѣлоруссія не обнимаютъ и даже не «покрываютъ» Россію. Кромѣ этихъ «индивидуаций», она заключаетъ въ себѣ очень многое иное, не входящее ни въ одну изъ нихъ. Къ какой «индивидуации» отнести Кавказъ, Туркестанъ, Сибирь, Приамурье? Считать ихъ «Великороссіей» — было-бы грубо-ошибочно. Но *a fortiori* эти области — и не Бѣлоруссія и не Малороссія. Между тѣмъ всѣ эти области — Россія. Всѣ онѣ — Субстратъ Россійской націи. Но Велико-россія, Малороссія и Бѣлоруссія не покрываютъ Россію не только въ томъ смыслѣ, что она значительно шире представляемой ими совокупности. Она не покрывается ими главнымъ образомъ въ томъ смыслѣ, что она безгранично выше ихъ. Россія и эти — будто-бы — ея индивидуации суть термины двухъ совершенно различныхъ порядковъ. «Россія» построена въ совершенно иномъ, безгранично отъ нихъ далеко, планѣ, въ планѣ совершенно отличнаго отъ нихъ «измѣренія».

Съ этой точки зрѣнія можно даже назвать иллюзіей — будто Великороссія и Малороссія являются «частями» Россіи. Онѣ ея части въ смыслѣ территоріальномъ — хотя и не исчерпываютъ ее. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ отношеніе къ ней вовсе не есть отношеніе частнаго къ общему. Россія, какъ нація, имѣетъ вполнѣ самостоятельное, вполнѣ особое отъ отъ нихъ бытіе. Она не только не имѣетъ точекъ соприкосновенія съ Великороссіей и Украиной, силами по существу этническими, но, какъ сила національная, противоположна имъ по самому своему существу.

Таковымъ представляется намъ основной культурно-національный вопросъ Россіи въ глубочайшемъ своемъ существѣ. И что такова именно его дѣйствительная природа — показываетъ полный параллелизмъ движущихъ силъ въ современной конкретной обстановкѣ обоихъ главнѣйшихъ центровъ разложенія Россійской націи: украинскомъ и сѣверо-русскомъ. Отказъ отъ «россійства», отказъ отъ имперской націи и превращеніе ея въ націю «русскую» неизбѣжно означаетъ ея превращеніе въ націю великорусскую, т. е. въ сущности означаетъ вообще отказъ отъ націи, превращеніе ея въ этносъ. И это превращеніе, начавшееся еще въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія и даже отчасти еще раньше, и должно было имѣть столь-же неизбѣжнымъ послѣдствіемъ — пробужденіе этноса и оживленіе этническихъ стремленій на всей территоріи Имперіи, въ частности и на Украинѣ... Къ этимъ этническимъ стремленіямъ и была привита — пусть и искусственно (вѣдь всякая «прививка» есть искусственное дѣйствіе) — новорожденная украинская національность, исторія возникновенія которой была вкратцѣ очерчена выше. Но рядомъ съ ней стоитъ нынѣ и «русская» или, по терминологіи Трубецкого, «общерусская» національность, представляющая собою

такой-же продуктъ распада имперской націи, но прививша-
ся на этносъ великорусскомъ.

Этотъ полный параллелизмъ силъ, дѣйствующихъ нынѣ
въ бывшемъ имперскомъ центрѣ и въ южной периферіи —
да и вообще въ цѣломъ рядѣ территорій бывшей Имперіи,
частію входящихъ, а частію даже не входящихъ въ составъ
нынѣшняго Совѣтскаго Союза — и обнаруживаетъ глубокое
внутреннее единство происходящаго процесса и вмѣстѣ съ
тѣмъ вскрываетъ его подлинное существо. Мы видѣли уже,
что «украинская» проблема есть, въ сущности, русская
проблема — въ томъ смыслѣ, что ея разрѣшеніе въ значи-
тельной степени будетъ зависетьъ отъ того, сможетъ-ли или
нѣтъ русская интеллигенція совладать съ самой со-
бою, т. е. перестроиться и направить свои движущія силы
въ національное русло. Но, какъ видно изъ только изложен-
наго, украинская проблема является, въ сущности, русскою
проблемою и въ гораздо болѣе общемъ смыслѣ. Ибо поста-
вленный въ ней вопросъ есть, въ конечномъ итогѣ, вопросъ
о бытіи или не-бытіи Россійской націи, російской національ-
но-имперской культуры.

Эта Россійская нація, эта Петербургская имперская, Рос-
сія была, въ своей исторической сущности, не чѣмъ инымъ,
какъ возстановленіемъ и возрожденіемъ Кіевской Руси, но
построенной въ болѣе широкомъ планѣ. И нынѣ, въ роко-
вой часъ большевизма, т. е. новаго подъема этническихъ
волнъ и новаго татарскаго нашествія, ей грозитъ повторе-
ніемъ то, что съ ней уже произошло въ XIII столѣтіи —
когда, вскорѣ послѣ татарскаго нашествія, она распалась на
два отдѣльныхъ міра, на двѣ отдѣльныхъ судьбы. Одолѣть
свою судьбу, построить ее національно — не удалось тогда,
въ конечномъ итогѣ, ни кратковременной Эфемеридѣ Мо-
сковскаго ренесанса, ни растекшейся въ этническихъ пескахъ
мѣстной Кіевской культурной традиціи. И не соединись
въ XVII вѣкѣ оба русла русской жизни въ единое націо-
нально-имперское теченіе, имъ обоимъ грозила-бы тогда
судьба азіатскихъ пустынь...

Таковы ауспиціи прошлаго. Будущаго-же намъ знать
не дано.

Pro fidei et fidelitate.

18 октября 1928 г.

ИЗДАНИЯ О-ВА ИМ. АЛ. ДУХНОВИЧА ВЪ УЖГОРОДѢ.

1. Евменій Сабовъ: Грамматика русскаго языка для средн. учебн. зав. Подк. Руси. Ч. I. Этимологія. Ужгородъ 1924 г. 12 кч.
2. В. А. Францевъ: Къ вопросу о литературномъ языкѣ Подкарпатской Руси. Ужгородъ 1924. (Разошлось). 2 кч.
3. Нар. Библ. ч. 1. И. Поливка: Что такое библиотека?; И. Поливка: Первые учителя и просвѣт. Славянъ; П. Федоръ: Пьянство—гибель народа; М. Микита: Объ уходѣ за удобреніями. Ужгородъ, 1925 г. 1 кч. 50 гел.
4. Нар. Библ. ч. 2. Нашъ Презид. Фома Масарикъ. (Разошлось). 1.50 кч.
5. Нар. Библ. ч. 3. Объ охранѣ отъ заразныхъ болѣзней (хворотъ). Питаніе чедовѣка. Ужгородъ, 1925. (Разошлось). 1.50 кч.
6. Нар. Библ. ч. 4. О дружествахъ земледѣльцевъ. Ужгородъ, 1925. (Разошлось). 1.50 кч.
7. О литературн. языкѣ карпаторос. и грамматика Е. Сабова. 1925, 2 кч.
8. Е. Сабовъ: Очеркъ литерат. дѣят. и образов. карпаторосс. 1925. 4 кч.
9. Нар. Библ. ч. 5. Познай себя. Бесѣда о нашемъ языкѣ. Ужгородъ, 1925. 1.50 кч.
10. Нар. Библ. ч. 6. Разказы о жизни живѣтнхъ. Ужгородъ, 1925. 1.50 кч.
11. Д-ръ Ю. Гаджега: О-во им. А. Духновича и русск. женщ. 1925. 2 кч.
13. Д-ръ I. Каминскій: Національн. самосознаніе нашего народа. 1926. 2 кч.
14. Евм. Сабовъ. Рѣчь о А. Духновичѣ въ Севлюшѣ. 1925. 2 кч.
15. Нар. Библ. Нашъ президентъ Ѡ. Масарикъ. II-е изд. 1925. 1.50 кч.
16. Д-ръ Ю. Гаджега: Ист. О-ва св. Василия Вел. 1925. (Разошлось). 5 кч.
17. Народная Библиотека. Лисица. Отзывъ прадѣдовъ. 1925. 1.50 кч.
18. Народная Библ. Воздѣлываніе кукурузы. В. Бензина. 1926. 8 кч.
19. Народная Библ. Народный катехизъ. 1926. (Разошлось). 1.50 кч.
20. П. С. Федоръ: Краткій очеркъ дѣятельн. А.И. Добрянскаго. 1926. 2 кч.
21. Е. Сабовъ: Рѣчь по случаю открытія памяти. А.Е. Фенчика. 1926. 2 кч.
22. Д. Н. Вергунъ: А.Е. Фенчикъ и его мѣсто въ русской литерат. 2 кч.
23. Н. Павловичъ: Русская культура и П. Русь. 1926. (Разошлось). 2 кч.
24. Д-ръ С. Фенчикъ: Дѣятельность О-ва Духновича. 1922-1926. 8 кч.
25. Д-ръ I. Каминскій. Народн. Календарь О-ва. 1927. (Разошлось). 5 кч.
26. Духновичъ—Ст. Фенчикъ: Нашъ національный гимнъ. 1926. 2 кч.
27. А. Бобульскій: «Нѣмая невѣста». Пьеса въ 1 дѣйств. 1926. 2 кч.
28. И. Лаппо: Происхожд. украинск. идеологіи новѣйш. врем. 1926. 2 кч.
29. Д-ръ Ю. Гаджега: Краткій обзоръ научной дѣятельности Ю. И. Венелина (Гуцы). 1926. 5 кч.
30. Проф. д-ръ А. Петровъ: Древнѣйшая церк.-слав. грамота 1404 г. о Карпаторусской территоріи (съ фотогр. снимкомъ грамоты). 3 кч.
31. Д-ръ С. А. Фенчикъ: Нар. Календарь О-ва Духновича на г. 1928. 7 кч.
32. Д. Анталовскій: «Рождественская ѣлка», пьеса въ 2 д. 1927. 2 кч.
33. Д-ръ К. Н. Шимановскій: «Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ и при внезапныхъ заболѣваніяхъ». 1927. 2 кч.
34. П. С. Федоръ: «Несчастливая судьба», пьеса въ 4 дѣйств. 8 кч.
35. Д-ръ Ю. Гаджега: Исторія Ужгородск. Богосл. Семинаріи. 1928 6 кч.
36. Андрей В. Карабелешъ: Собраніе стихотвореній.
37. Валерій С. Вилинскій. Корни единства русской культуры — ц. 5 кч.
38. Георгій Верховинскій: Юрко Русинъ и его внука — ц. 3 кч.
39. И. М. Конратовичъ: Къ исторіи стародавняго Ужгорода. 5 кч.
40. Антоній Луковичъ: Національная и языковая принадлежность русской части Подкарпатской Руси. 1929. 4 кч.
41. Стихотворенія А. Попрадова-Ставровскаго, собр. д-ръ Н. Бескидъ
42. Д-ръ Ю. Гаджега: Два историческихъ вопроса, 1928. — ц. 5 кч.
43. Д-ръ Н. Бескидъ: Изъ славянскаго прошлаго. (Печатается).
44. Народный Календарь О-ва на 1929 г. подъ ред. Д-ра Степана А. Фенчика, 1928. — ц. 4 кч.
45. Проф. Ѡ. Ѡ. Аристовъ: Библиографическій перечень творчества А. В. Духновича, 1928. — ц. 1 кч 50 гел.
46. Д-ръ Евгений Недзѣльскій: Изъ чешской лирики. 15 кч.
47. Проф. А. Флоровскій: Замѣтки И. С. Орлая о К. Руси. 2 кч.

48. В. А. Францевъ: Десять лѣтъ свободной жизни Чсл. народа. 3 кч.
49. Д-ръ Ст. А. Фенцикъ: Галиція. 3 кч.
50. Д-ръ Н. А. Бескидъ: Попрядовъ 12 кч.
51. Проф. Ю. А. Яворскій: Поученіе о снахъ. 1 кч.
52. Проф. Ю. А. Яворскій: Дополненіе къ библиогр. А. Духновича. 1 кч.
53. Д-ръ Симеонъ А. Сабовъ. 1 кч.
54. Д-ръ А. Л. Петровъ (печатається).
55. Проф. Э. Э. Аристовъ: А. В. Духновичъ. 3 кч.
56. Павелъ Федоръ: Очерки карпаторусской литературы. 12 кч.
57. Павелъ Федоръ: Правда побуждаетъ, пьеса. 5 кч.
58. А. Карабелешъ: Въ лучахъ разсвѣта, стихи 29 кч.
59. Д-ръ С. А. Фенцикъ: Дѣятельность О-ва им. А. Духновича въ 1928 г.
60. Юбилейный сборникъ посвященный Е. И. Сабову.
61. Проф. В. А. Францевъ: Изъ исторіи письменности Подкарп. Руси XVIII—XIX стол. — 150 кч.
62. Проф. Ю. А. Яворскій: Национальное самосознаніе карпатороссовъ на рубежѣ XVIII—XIX вѣковъ — 1 кч.
63. Проф. А. Л. Петровъ: Къ исторіи села Каменки — 2 кч.
64. Народный календарь О-ва на 1930 годъ подъ ред. д-ра Степана А. Фенцика — 4 кч.
65. Янъ Неруда — избранные рассказы, пер. и вступ. статья Е. Л. Недзельскаго — 18 кч. (печатається).
66. Д-ръ Степанъ Фенцикъ: Чехословаки и карпатороссы — 5 кч.
67. А. Бобульскій: Въ святой вечеръ, пьеса въ 2-хъ дѣйств. — 6 кч.
68. А. Бобульскій: Верховинская кровь, пьеса въ 3 дѣйств. (печатається).
69. А. М. Волконскій: Малороссъ или украинець? 1928. — ц. 1 кч.
70. Сборникъ статей, посвященныхъ памяти Добрянскаго, 1929 — 1 кч.
71. Проф. Ю. А. Яворскій: Старая латинская записка о селѣ Гукли-вомъ, 1929 — ц. 1 кч.
72. Д-ръ Степанъ Фенцикъ: Руководство къ организаціи и веденію Русскихъ Народныхъ Читаленъ им. А. В. Духновича, 1929 — 1 кч.
73. Графъ А. Салтыковъ: Евразійцы или украинцы, 1930 — ц. 10 кч.
74. Д-ръ Н. А. Бескидъ: А. В. Духновичъ (печатається).
75. Д-ръ Степанъ А. Фенцикъ: Русскимъ Скаутамъ, 1929 — ц. 1 кч.
76. Сборникъ о Бадудянскомъ (готовится къ печати).
77. Д-ръ Степанъ А. Фенцикъ: Дѣятельность О-ва им. А. В. Духновича въ 1929/30 г. — ц. 3 кч.
78. Собраніе сочиненій Е. А. Фенцика подъ редакціей Д-ра С. А. Фенцика — ч. I.
79. Собраніе сочиненій Е. А. Фенцика подъ ред. Д-ра С. А. Фенцика — ч. II.
80. Собраніе сочиненій Е. А. Фенцика подъ ред. Д-ра С. А. Фенцика — ч. III (готовится къ печати).
81. Собраніе стихотвореній А. В. Духновича подъ ред. Д-ра Н. А. Бескида (готовится къ печати).
82. Проф. Валерій Погорѣловъ: Мих. Лучкай и его грамматика, 1930 — ц. 2 кч.
83. Проф. Ю. А. Яворскій: П. Д. Лодій въ изображеніи польскаго романиста, 1930 — ц. 1 кч.
84. Проф. Э. Э. Аристовъ: А. И. Добрянскій (готовится къ печати).
85. Проф. Э. Э. Аристовъ: Амв. Аф. Полянскій (готовится къ печати).
86. А. В. Поповъ: Э. Э. Аристовъ, очеркъ его дѣятельности къ 25-лѣтнему юбилею (готовится къ печати).

